

Другие грани

Литературный сборник
сотрудников Московского регионального
социально-экономического института

Видное, 2016

Другие грани

Литературный сборник
сотрудников Московского регионального
социально-экономического института

*Московский региональный социально-экономический институт
Центр психологических инноваций*

УДК 82-1/-9
ББК 94.3
Д 76

ISBN 978-5-91422-037-9

Другие грани. Литературный сборник сотрудников Московского регионального социально-экономического института. Видное, ЦПИ МРСЭИ. 2016. 138 с.

Авторы произведений, опубликованных в данном сборнике, давно и не без основания зарекомендовали себя как профессионалы в своих областях науки. Объединяет всех их одно – они преподают и работают в одном институте Московском региональном социально-экономическом институте.

Но самое главное, что их объединяет – все они люди творческие и, согласно устоявшемуся стереотипу – талантливые люди талантливы в разных областях. Очень часто за привычными буднями мы сужаем восприятие окружающей действительности, порой не обращая внимания на иные грани и сферы привычных нам, устоявшихся за годы образов коллег и преподавателей.

Название сборника «Другие грани» как раз подчёркивает то, что историки, экономисты, педагоги, философы, психологи, прежде всего – люди творчества.

Сборник состоит из четырёх частей. Первые две части – лирика и прозаические миниатюры. Это поэтические произведения разных лет, написанные нашими коллегами. Третья посвящена сказкам – той области, которой людям, имеющим высшее, а часто не одно, образование, степени и звания, так не хватает – область сказки – пространства, в котором языком образов и метафор возможно передать гораздо большее, чем может передать научный или бытовой тезаурус. Эти сказки будут интересны не только для детей, но и (прежде всего) для взрослых. Четвёртая часть – исторические эссе.

Издание адресует широкому кругу читателей: экономистам, педагогам, психологам, философам, историкам, преподавателям, научным сотрудникам, студентам. психологических, социологических и др. факультетов, а также просто любителям беллетристики.

УДК 82-1/-9
ББК 94.3
Д 76

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-91422-037-9

© Коллектив авторов 2016
© МРСЭИ 2016

Содержание

Лирика

	Стр
Егоров Юрий Николаевич	
1. Маленькая история 1	9
2. Маленькая история 2	10
3. На что ты надеялся..	11
4. Змея	11
5. Паучок	12
6. Прекрасные птицы	13
7. Рефлексы	14
8. Сердечный реквием	15
Александрова Татьяна Владимировна	
9. Закрытое окно	16
Асеев Олег Владимирович	
10. Луна, как теплое стекло	17
11. По гребню серпантином	17
12. Петербург	18
13. Слепые гонцы, безделия дня	18
14. Желтые тени по стенам ползут	19
15. Мутнеет старый черный пруд	19
16. Кому-то десять, Кому-то ноль	20
17. Свет узнавал островерхие крыши	20
18. Восторженный край	21
19. Зимний вечер	21
20. В прозрачности света	22
Смыслов Дмитрий Анатольевич	
21. О Юной Звезде	23
22. Имя	23
23. Не было последнего трамвая	24
24. Свечу задую. Окунувшись в мрак	25
25. Купола	26
26. Уж день прошёл и вечер на дворе	27

Буланкина Татьяна Николаевна

27.	Мне снится старый дом	28
28.	Край света – он не так далёк	28
29.	Джерри	29
30.	Налей мне радости глоток	29
31.	Безлюдно море, как пустыня	30
32.	Как хорошо, что есть на нашем свете	30
33.	Отцу	31
34.	Душа не может умереть	31
35.	Мне не вернуться в небо	32
36.	Листья под ногами	32
37.	Я опять как будто бы больна	33
38.	Возьми мой поцелуй с собою, уходя	33
39.	Слова были каплями, губы - карнизом	34
40.	Сентябрь сыграет музыку дождя	34
41.	Куда улетают мечты?	35
42.	Я попала с корабля на бал	35
43.	Много радостей было на свете	35
44.	Моя страна! Ты поменяла имя	36
45.	Есть поворот - и нет ему конца	36
46.	Не садись ко мне, старость, так близко	36
47.	Вот и снег. Снова встану на лыжи	37
48.	Песочные часы не остановятся	37
49.	Мир – зеркало любви и безразличья	38
50.	Молодость – солнечный зайчик	39
51.	Немыслимо. Странно. Теперь мы – чужие	39
52.	Взлететь над суетой не может каждый	40

Прозаические миниатюры**Смыслов Дмитрий Анатольевич**

1.	Москва	42
2.	Депрессия	44
3.	Особенности восприятия книг читателем	46

Сказки

Егоров Юрий Николаевич		
1.	Оленья охота короля Витольда	50
2.	Удел моряка	61
Александров Олег Аркадьевич		
3.	Добрый волшебник из Оденсе	73
Буланкина Татьяна Николаевна		
4.	Снежинка	77
5.	Царь леса	79
Смыслов Дмитрий Анатольевич		
	Сказки на сон грядущий про Льва Толстого и его друзей (Из проекта «Семантович»)	
6.	Про Мазира Аджуршутова и медаль	81
7.	Святая женщина	82
8.	Как Некрасов героем стал	83
9.	Жизнь за царя	84

Исторические эссе

Тебиев Борис Константинович		
1.	Жизнь и труды академика Яджула	90
Смыслов Дмитрий Анатольевич		
2.	Про Хармса, его батюшку и Льва Толстого	105
3.	Образ женщины-политика в России	122
Александров Олег Аркадьевич		
4.	Видное: отцы-основатели города	132
	Об авторах	136

Лирика

Маленькая история I

Маленькая история очень проста,
Он был один. Она – одна.
Он был моряк. У ночного прибоа
Повстречал ее. Их стало двое.

Но вот что скажу: наверняка,
Не полюбила она моряка.
Так и расстались они. Навсегда.
Он остался один. Она – одна.

Маленькая история II

Эта история – чувств серпантин.
Вначале одна. Он тоже один.
Но любовь захватила их в капкан,
Она была как принцесса. Он – морской капитан.

Впрочем, с Вами серьезно нельзя говорить,
Разве Вы знаете, что значит любить?
У самой же истории счастливый финал -
Она – его королева. Он – ее адмирал.

На что ты надеялся? Какой полет?
Ты в поле один. Без тебя самолет
Улетел в облака, убрав шасси.
То не звезды в небе, а бортовые огни
И ты не художник, не поэт, не трубач
А клоп замшелый. Трепач...

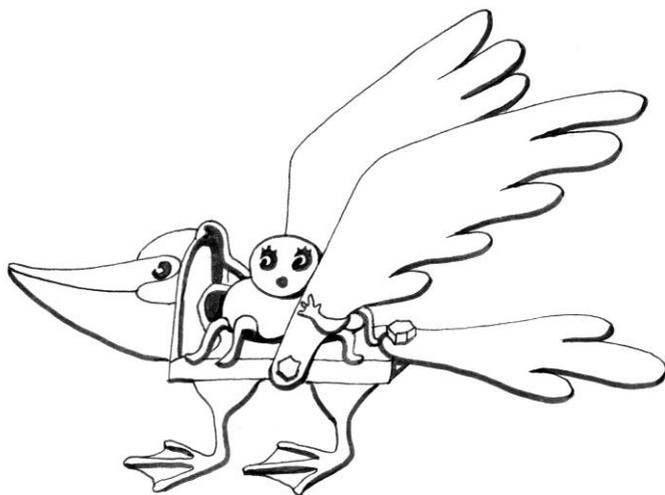
Нет-нет. Надо надеяться, будет полет
И в небо взлетит твой самолет
На белом коне. Всеми любим
Ты в поле воин. Непобедим,
И любовь ты встретишь еще не раз
А сейчас не печалься – пробьет твой час!

Средь цветочных полей мы с ней повстречались.
Она моя женщина. Вы догадались?

Змея

Меня укусила змея
В самое сердце. Больно.
Эх, какой невезучий я,
Вот и погиб невольно.

До боли обидно – ни встать, ни уйти,
Как будто бы я и не был,
А она: клубочком лежит у меня на груди
И смотрит задумчиво в небо...

Паучок

Паучок притворился Пеликаном,
Веселым ушастым великаном.
Ему понравилась белая Птица,
Большая красивая белая Птица.
И стал он этой птице делать намеки:
Ушами хлопать, дуть в щеки,
Но птица упорно не замечала
Веселого глупого Пеликана.
А птица эта - белая чайка,
Настоящая морская белая чайка.
И в самом деле: зачем чайке Пеликан?
Одним словом, она отказала нашему Пеликану
И вышла замуж за таракана!

Прекрасные птицы¹

Птицы летают. Прекрасные птицы. Посмотри, как они летают.
Дети гуляют в чудесном саду. Славные дети в чудесном саду.
Видишь, в прозрачной реке плавают рыбки. В прозрачной реке.
Все это я для тебя рисую.

Вот ты сидишь перед окном. Ты видишь красивые горы,
Я для тебя рисую эти красивые горы.
Ты видишь бегущих детей. Я для тебя их рисую.
Цветущий вишневый сад, скрываемый хлопьями снега
Я для тебя рисую.

¹ Литературное переложение Лауры Андерссон «Прекрасные птицы».

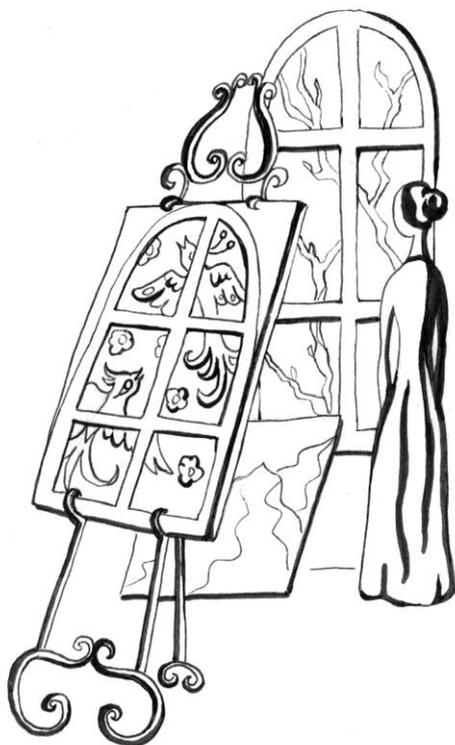
Снег покрывает цветы. Прячет бегущих детей в саду.

Это всего лишь рисунок.

Ты смотришь в окно и видишь снег. Это всего лишь рисунок.

Ты улыбаешься мне. Это всего лишь рисунок.

И прекрасные птицы у тебя на окне. Это всего лишь рисунок.

Рефлексы

Кто однажды упал – упадет вновь,
Кто предал любовь – предаст любовь,
Кто других обижал – будет обижен,
Далеко убежал – не станет ближе.

Умерев однажды – не родишься вновь,
Убив любовь однажды – уже не найдешь любовь.

Сердечный реквием

И вот наступила пустота...
В снегу не найти твоих следов.
Ты тихо оставила мир моих снов,
Ушла, не ответив: зачем, куда?

Конечно, так лучше. Без лишней боли.
Наверное, лучше... Чего было ждать?
Лишь август, сумерки, цветочное поле
Тебя мне будут напоминать.

Закрытое окно

Закрытое окно
Знакомый силуэт
Забыть, уйти давно
Пытаюсь – да или нет?

Нет, лампы не горят
Везде потушен свет
Лишь звезды говорят
И с неба шлют привет

Про мысли промолчу
Утешиться хочу
Лишь в мыслях мы летим
К минувшим дням своим

Прощай...
Что было – чудный миг
Мой молчаливый крик

Луна, как теплое стекло
Ласкает ласково и нежно.
И мысли мне заволокло,
Как в детстве, призраком мятежным.

По гребню серпантином
Бежит дорога вверх.
Там в домике старинном
Звенит ребячий смех.

Под ним река струится,
Там мельница вертится
И трутся жернова.
А мягкая трава
Мне говорит слова:
«Ты не стой сам не свой,
Новой птицей нам пропой.
Окропи нас той водицей,
Что внутри Земли струится».

Петербург

Дом, как плитка шоколада
Отражается в реке.
Мне бы жить в тебе – награда,
Поедать тебя в тоске.

Золотые фолианты,
Запах розы и амбры.
Под балконом снуют франты,
Городу несут дары.

1996

Слепые гонцы, безделия дня,
Куда-то несут над землю меня.
Они простирают вдруг новую длань
В закате кричащем и в сонную рань.

Поднять меня плавно, в безмерную высь
Незримые демоны дружно взялись.
И пусть, мне не страшно, я счастлив пока.
И горечь других мне не так уж горька.

Луна поднялась в философии ночи
И смотрит на мир свысока и пророчит.
Она говорит нам: «Смотрите в меня».
Но взор тяжелеет день ото дня.
Зачем нам небесная хладная суть,
Нас мысли о завтра уже не спасут.

1991

Желтые тени по стенам ползут.
Долго уснуть фонари не дают.
Зверь молчаливый меня вдруг понес,
Через леса, на неведомый плес.
На теплом песке мы уже не одни.
Здесь тихие звери – прошедшие дни.

Чиркнет по стене образная тень.
С неба заструится позабытый день.
Мысли отражение – собеседник мой.
Он нужней, чем люди, хоть и не живой.

Обещает правда опечалить снова.
Но в нездешнем мире все не так сурово.
И бесцельность наша спора без конца
Раскрывает смыслы нового лица.
Неизвестность кружит где-то за стеной
И молебн служит вечности одной.

Мутнеет старый черный пруд.
Костры уж больше здесь не жгут.
Лишь наши тени здесь сидят
И в воду пристально глядят.

Кому-то десять,
Кому-то ноль.
А кто-то счастлив
Весной одной.

Усталость славит
Бесцельность дня.
И смех оставит
Уже меня.

Искристость света –
Источник снов,
В желанье бега
И емких слов.

Свет узнавал островерхие крыши,
Он позабыл их на ночь очертанья.
И в унисон неизбежности свыше –
Не избежать бестелесного званья.
Устаревает надежда на «завтра».
Сон – это серые, липкие тени.
Смерть – это сны в проплывающих бликах,
Лица до боли знакомые, но их не вспомнить.
Все улыбаются, смотрят сквозь душу...

Восторженный край,
Чудесное поле,
Неписанный рай,
Сосновая воля.

Речная страна
И солнца дорожка,
Седая копна
И серая кошка.

Там три золотых
Закопаны где-то.
И не отыскать,
Ну, разве что летом...

Зимний вечер длится
И поет метель.
Я дремлю, мне снится
Вешняя капель.

Ветер навевает своей песней грусть,
Хотя точно знает – помню наизусть.

1991

В прозрачности света сокрыта палитра
Безумно кричащих тонов.
Она еще нами совсем не открыта,
Как гамма таинственных снов.

Душа – уникальна, дарит ощущения,
Оттенок для каждого свой.
И я синтезатор невидимых бдений,
И слов перворожденных Ной.

Сто раз повтори мне свою гениальность,
Откроется смысл, иль нет?
Нам крест суждено свой нести – уникальность.
Пусть каждый добавит свой цвет.

1991

О Юной Звезде

Когда б забыть тебя я смог
Прервав тревожное дыханье.
Но рвёт неумолимый рок
Из сердца горечь расставанья.

И снова люди, города,
И вновь далёк приют вокзальный.
И светит Юная Звезда
Всё также чисто и печально.

1992

Имя

Не ропщу, сыпя голову пеплом
Но позволь, неземная моя
Сохранить тебя в памяти светлым
Чистым обликом вышнего дня.

И тебя. Не спрашая о многом.
Знаю, чувствуешь. Дай же нам, Бог
Чтоб на звёздных, на млечных дорогах
Мы с тобой повстречалися вновь.

Не в первой нам печаль расставанья
Пусть зовёт меня даль городов,
Нашей нежной и светлою тайной
Я дышать ещё Вечность готов.

Милый друг, забывая о многом
Так о многом хотел я сказать.
Но зовёт к расставанью дорога,
Я не в силах смотреть и дышать.

К чёрту боль, чьи- то мненья, тревогу
И минувшего призрачный дым
Промолчи, что ты любишь другого
Заклинаю, будь счастлива с ним.

Остальное. Оставь без ответа.
И простившись в вокзальной заре
Я люблю вас. Но что теперь в этом.
Да святится Имя Твое.

1995

Не было последнего трамвая

Не было последнего трамвая
Поезда давным-давно ушли.
Мы опять с тобою вспоминали
Землю, что оставили вдали.

Синий вечер нам раскрыл объятия
И казалось, счастье впереди.
Город спал, таинственно- блистательный-
Остановка на большом пути.

В волосах твоих морозным инеем
Таял снег. Но мы глядели вдаль.
Вспоминая царство тёмно- синее
Вспоминая прошлую печаль.

Городок огней, закат малиновый
Представал пред нами, как тогда
В те, такие светлые и милые
И такие дальние, года.

Ну а завтра, при восходе заревном
Ждал нас растревоженный вокзал.
В этот час на Север уезжали вы
Я куда- то тоже уезжал.

И в глазах с невольничьею долею
Я читал заветных мыслей взмах.
И улыбка, милая до боли мне
Таяла на ласковых губах.

1993

Свечу задую. Окунувшись в мрак

Свечу задую, окунувшись в мрак.
И за столом усну. И буду счастлив.
Приняв, как дар, святое безучастье
Забыв любви и жизни кавардак.

Я понял всё. Быть может, уяснив
В одном глотке полночного дыханья
Весь этот мир с томительною далью,
Его извечный к высоте призыв.

И лишь вопрос застынет на устах-
Что, Господи, есть ль что-нибудь святое
В моих полночных книжных перепоях
В моих полу виденьях - полуснах?

Но минет ночь. И не дождашь ответа
Вновь в новый день, как в Лету погружён
Лишь чей- то вздох, лишь колокола звон
Да нега отцветающего лета.

1993

Купола

Тишина металась в ритме города
А под вечер изжила свой страх.
Догорал закат червонным золотом
На высоких крыльях- куполах.

Ветер стих, предчувствуя вечернюю
Благодать давно забытых дней
Ты сегодня плакала, наверное
И молилась о земле моей.

И не спали, чувствуя мерцание
Над листвою вешние сады
Крася обезумевшие здания
Обликом печальной красоты.

Заглядевшись светлою гармонией
Золотая представала даль.
Но ещё жива была агония
Всадника, раскинувшего длань.

Не улыбкой светлого приветствия
А гримасой распалённых дней
Он встречал явление над бездною
Одинокой поступи Твоей.

И над синей бездною отчаянья

Снова были два больших крыла.
Вечерело над земными далями
И горели в небе купола.

1995

Уж день прошёл и вечер на дворе

Уж день прошёл и вечер на дворе
С своим закатом огненно- багряным
И я. На рубеже минувший дней
Своей души зализываю раны.

И мне смешно и горько на душе
За этих дней безумное мерцанье.
За тех, кого забыл на вираже.
За тех, кого обидел без желанья.

Я мог. Быть может, мог. Но я не стал.
Не потому, что так сложились силы.
А просто, это юная звезда
Опять на небосводе тёмно- синем.

А может, это тайная печаль
До дальнего, неведомого срока.
Мой путь к тебе- томительная даль
За горизонт ведущая дорога.

1994

Мне снится старый дом, скрипучие качели
И яблоневый сад, высокая ветла.
И девушка ,с лицом с картины Боттичелли, -
То мамочка моя такой тогда была.
Мне грезится опять душистый запах хлеба,
Мне бабушка его достанет из печи.
Голубизна и высь немислимого неба,
И золотом с него спадавшие лучи.
Я чувствую опять родные сердцу руки,
Что поднимают вновь меня над головой.
Там нет ещё беды, там нет ещё разлуки,
Там снова мой отец, прекрасный и живой!
Там каждый новый день пронзителен и звонок,
Там дышит всё вокруг любовью и теплом.
Я снова в этих снах, я вновь ещё ребёнок,
Что верит в чудеса и в сказку за углом.

Край света – он не так далёк,
Он там, за приоткрытой дверью.
Души чуть видный уголёк
На помощь моему неверью
Вдруг вспыхнет в памяти опять,
Всё освещая, согревая.
Я не хочу никак понять, что нет тебя,
Ведь ты – живая!
В предметах, в музыке, в стихах,
Во всём – к чему ни прикоснуться...
Теперь – ты в будущих веках.
И не дано тебе вернуться.

... Небес невысказанная высь,
Неописуемые реки...
Там мы с тобой переплелись
Своими душами навеки!..

Джерри

Что угодно сделай, соверши,
Что угодно.. Не вернуть потерю.
Говорят: у кошки нет души.
Нет души? Я этому не верю.
В мироздании добра и зла
Есть любовь – неведомая сила.
От чего-то ты меня спасла,
Для чего-то боль мою носила.
Суэта, нелепые дела,
Разговоры, глупые советы...
Как же так? Тебя не сберегла.
Ты прости, прости меня за это...
Неизвестен нам конечный путь,
Всё творец решает век за веком.
Верю я, что ты когда-нибудь
Возродишься в мире человеком!..

Налей мне радости глоток
В бокал сегодняшнего дня.
Мир беспощаден и жесток,
Но ты придумай для меня
Хоть на мгновение одно
Волшебный край надежд и грёз...
Я выпью горькое вино
За то, что ты не произнёс...

Безлюдно море, как пустыня,
Застыл над ним густой туман.
Что делать мне? Приснилось ныне,
Что твой восторг - всего обман.
И тучи серые повисли,
И вот полшага до тоски...
Разбей мои дурные мысли
Прикосновением руки.

Как хорошо, что есть на нашем свете
И этот дом, и этот белый снег.
Проходит всё; но мир, как прежде, светел,
И радостен саней неспешный бег.
Как хорошо, что прошлое не станет
Вторгаться в наши новые дела.
И слово сердце снова не поранит,
Как хорошо, что эта боль прошла.
Как хорошо, что есть хоралы Баха,
Петрарки незабвенные стихи.
Как хорошо, что мы не знаем страха
И не спешим замаливать грехи.
Как хорошо, что новый день настанет!
Желаю только доброго ТЕБЕ!
Как хорошо, что сердце не устанет
Надеяться на лучшее в судьбе.

Отцу

Опять бессмертный полк идёт по свету,
И нет ему ни края, ни конца.
И снова я встаю в колонну эту,
И снова я несу портрет отца.
Он на войну ушёл совсем мальчишкой,
В семнадцать лет, прибавив целый год.
Ему б сидеть за партою да с книжкой,
А он ушёл, чтоб защищать народ
И Родину, и будущего сына,
И солнечное небо над Москвой.
Вернулся он с победой из Берлина,
Контуженный, но всё-таки живой.
О, сколько их, героев той години
Мы пронесём сегодня над собой.
Их подвиг навсегда! И мы едины,
И мы навеки связаны судьбой!
Вот гордою рукой портрет прадеда
Несёт малыш, как будто знает толк.
Ведь смерти нет! Есть вечная победа!

Поэтому идёт бессмертный полк!

Душа не может умереть,
Ведь бrenно только наше тело.
Чтобы звездой на мир смотреть,
Душа всегда взлететь хотела.
Душа не может больше лгать,
Рыдать, завидовать и злиться.
И догонять, и убежать,
И не по делу веселиться.
Душа не может сладко спать,
Когда ей жизнь готовит драму...

Но чтоб душе крылатой стать,
Есть путь один - дорога к храму.

Мне не вернуться в небо, -
Так решено судьбой.
Я попросила хлеба,
Чтобы не быть собой.
Зрелища. Пусть их стая
Смотрит и создаёт.
Выдумка лишь пустая
Весь этот их полёт.
Дней моих полутени
Мысли опять скуют.
В царстве удобной лени
Я нахожу приют.
Завтра зайду к соседке
В святки поворожить.
... Птице, сидящей в клетке,
Крылья мешают жить.

Листья под ногами
Стелются коврами.
Добрыми врагами
Будем вечерами,
Милыми чужими
Долгими ночами.
Голову кружили
Сладкими речами.
Только утро скоро,
День стучится в двери.
Ни следа укора,

Ни штриха потери.
Острый хвост кометы
Гаснет на рассвете.
Не придёшь ко мне ты
Никогда на свете.

Я опять как будто бы больна,
Только не помогут доктора.
Маленькое солнышко - Луна
Мне сегодня светит до утра.
За окном так сладко соловьи
Серенады распевают вновь.
О любви, конечно, о любви.
Только где теперь моя любовь?
Может быть, в шуршании листвы?
Может быть, она на той звезде?
Обращаясь к Вам давно на «Вы»,
Всё зачем-то помню о тебе.
Я окно раскрою. Не до сна.
Всё давно, давно забыть пора...
Маленькое солнышко - Луна
Мне сегодня светит до утра.

Возьми мой поцелуй с собою, уходя,
В нём вся моя душа соединилась вдруг.
А за окном иль снег, иль отблески дождя,
Иль, может, грусть моя, иль, может, мой испуг?

Ты всё равно уйдёшь однажды – и навек,
Упрямо разорвав тепло сплетённых рук.
И с неба упадёт ни дождик и ни снег,
Ни грусть и ни тоска, ни боль и ни испуг.

А с неба упадёт, безумство соверша,
Из тайн небытия, порвав запретный круг,
Всего одна звезда, всего моя душа,
Не веря до конца в могущество разлук.

Слова были каплями, губы - карнизом,
И вот покатались, спасая от пыли.
Но вдруг почему-то застыли, застыли,
Сосульками стали, висящими книзу.

Глаза не глядят и не слушают уши,
Теряется всё за пустой кутерьмою.
А может, мы сами к друг другу зимою
Приходим в горячие, верные души?..

Сентябрь сыграет музыку дождя,
Он простучит по окнам и по крышам.
Не уходи надолго, уходя.
Мы – воздух друг для друга, им мы дышим.
В водовороте дел, событий, дней.
Вдруг вырываясь из стального круга,
Я поняла, что мы с тобой сильней,
Сильнее стали чувствовать друг друга.
И пусть сентябрь нас радует листвою,
Она богаче красками, чем летом,
Я завтра вновь услышу голос твой, -
И значит, я живу на свете этом.

Куда улетают мечты?
В какие далёкие страны,
Где нет клеветы, пустоты,
Куда не приходят обманы,
Где вечно сияющий свет,
Где добрые люди и звери,
Где радостью воздух согрет,
Где настежь распахнуты двери,
Где столько вокруг красоты,
Где всё пропиталось любовью?
Куда улетают мечты?
... К тебе, к твоему изголовью...

Я попала с корабля на бал,
Не танцуя и не зная песен.
Этот мир для счастья слишком мал,
Этот зал для дома слишком тесен.
Мне неведом странный ваш язык
И законы незнакомы ваши.
Время - вечность, жизнь - всего лишь миг.
Не хочу я пить из этой чаши
То вино на праздничном столе.
Вы мечты мои не угадали.
Я хочу опять на корабле
Плыть в ещё неведомые дали...

Много радостей было на свете,
Много весело прожитых дней.
Много ласковых слов на рассвете,
Много вечером ярких огней.
Много лиц, много рук, много песен.
Много слов, размышлений - всего.

Много, много!.. Как мир интересен
Этим множеством. Но отчего
Отчего же не помнятся эти
Вздохи, ахи, мечты под луной?..
Много радостей было на свете.
... Не хватает – убитой – одной.

Моя страна! Ты поменяла имя,
Ты изменила свой дальнейший путь.
Твои богатства стали - не моими,
Не нашими... Есть кто-то, кто-нибудь,
Кто здешнюю элиту составляет,
Кто покупает яхты и дворцы,
Кого ничто уже не удивляет...
За что сражались деды и отцы???
За то, чтобы жила твоя верхушка
Лжецов и казнокрадов налегке?
Иль, может быть, за то, чтобы старушка
Сжимала рубль последний в кулаке?!
Моя страна! Исчезнешь ты? Едва ли.
Пусть не страшит тебя водоворот.
И как тебя б сейчас ни называли,
Ты сильная - пока с тобой народ!

Есть поворот - и нет ему конца.
Там многие находят свой приют,
Там юноши с глазами мудреца
Чудесные советы раздают.
Советы на бумаге, на словах,
Которые умело гасят злость.
Чтоб не осталось что-то в головах,
Они опять в толпу бросают кость.
Грызите . Голосуйте поскорей,
Всех преимуществ здесь не перечесать...

... Вы сами не хотите стать мудрей,
Поэтому всё будет так, как есть.

Не садись ко мне, старость, так близко,
Не баюкай меня до утра.
Жизнь – театр, я, как прежде, - артистка,
Не закончена эта игра!
Я ещё пошallo, почудачу,
Одержу много новых побед,
Я решу непростую задачу,
Отодвинув две дюжины лет.
Я отброшу болезни, усталость,
Я не стану уныло глядеть.
Может ты, моя милая старость,
Вдруг захочешь со мной молодеть?!

Вот и снег. Снова встану на лыжи
И поеду с высокой горы.
И как будто услышу, увижу
Я тревоги далёкой поры.

Съеду вниз, улыбаясь устало,
Оглянусь - белизны полотно!
Детство счастье когда-то искало...
Стало счастьем далёким - само.

Песочные часы не остановятся.
Их можно, правда, вспять перевернуть.
Но как гласит давнишняя пословица:
« Мы лишь однажды выбираем путь».

У каждого он свой. И караванами
Уходят наши годы в никуда,
Наполненные солнцем и туманами,
Весенним ливнем, тихим словом «да»,
Заботами, потерями, победами,
Родными и друзьями , и тобой.
А будущие тропы нам неведомы,
Они ещё на посланы судьбой.
Песочные часы не остановятся,
Пока их бережёт рука твоя.
Но всяк из нас когда-нибудь становится
Песчинкою в пустыне бытия.
Песчинкою основополагающей,
Песчинкою на миллиарды лет,
Возвышенной, сияющей, страдающей,
Что создаёт прекрасный этот свет.
И пусть наш путь подольше не кончается,
Пусть тяжелеют добрых дел весы.
И в жизни очень многое случается,
Пока идут песочные часы.

Мир – зеркало любви и безразличья,
Всё отражая мрачно иль светло.
Вдруг ангел в человеческом обличье
К тебе придёт, чтобы рассеять зло.
Чтобы вселять уверенность и силы,
Чтобы всегда пути твои хранить,
Чтобы дела для сердца стали милы.
Ты не захочешь это оценить.
Не вспомнишь ты, как долгими ночами,
Срубив воспоминаний целый лес,
Ты звал его горячими речами.
И ангел вдруг слетел к тебе с небес.
Его ты не узнаешь в час рассвета

И не прошепчешь что-нибудь любя.
Ты возгордишься, отвергая это.
И отвернётся ангел от тебя.
Он навсегда уйдёт с горящим взглядом...
Остолбенеv в кричащей тишине,
Ты вдруг поймёшь: он был с тобою рядом,
Увидев крылья на его спине.

Молодость – солнечный зайчик,
Молодость – радужный миг.
Ныне – ты глупенький мальчик,
Завтра - ты мудрый старик.
Молодость – это беспечность,
Молодость – это мечты.
Кажется, в будущем – вечность
В мире такой красоты.
Молодость! Сколько мгновений,
Сладких мгновений пройдёт?
В царство иных откровений
Зрелость тебя уведёт.
... Вновь бы колечко на пальчик,
Вновь бы признание в стихах...
Молодость – солнечный зайчик,
Что не удержишь в руках.

Немыслимо. Странно. Теперь мы – чужие,
Застыв на крутом вираже.
Счастливые дни мы навеки прожили,
И им не вернуться уже.
И губы, и руки, и чудные краски,
И лучшие в мире слова...
О, глупое сердце, оставь свои сказки,
Включайся скорей, голова!

Пусть новый твой день будет светел и ярок,
Пусть кто-то гордится тобой.
Жизнь шире любви, ведь любовь в ней – подарок,
Не всем он пошлётся судьбой.

Взлететь над суетой не может каждый,
Лишь только те, кто внутренне крылаты,
Наполненные творческою жаждой,
Они по-настоящему богаты.
У них иные, добрые таланты,
У них другие цели и кумиры.
Художники, поэты, музыканты
Как прежде путешествуют по миру,
Мешая предавать и лицемерить.
Чтоб сделать жизнь причудливей и краше,
Они творят и помогают верить,
И снова окрыляют души наши.

Прозаические миниатюры

Москва

Незаметно в город пришла весна, а затем лето. И снова на перронах появились упрямые и непонятные дачники, тянущиеся к ранним электричкам на дачные участки с заборами «рабицами», домиками, обитыми «вагонкой» и колодцам. На дорогах появилась пыль. Окна городских квартир и аудитории зачернели от гари. На исхудалых и изодранных деревьях пробились зелёные листочки и уже смогли запылиться. А летние дожди, нередкие в это лето, очищали их от этой гари лишь на ничтожное время.

Величие времени познавалось в ничтожности проводимых дней да менявшихся и сияющих, словно майские жуки, новых легковых машин. Всё также бегали люди и также не было покоя от непрекращающегося движения нескончаемого транспорта, шума и торопливых движений.

И лишь погружаясь всем телом в городскую подземку и глядя на своё отражение в вагонном стекле, становилось понятно, что время опять убежало вперёд, так как смотрел на тебя из стекла не ты сам, которым помнил и знал себя, а кто-то другой, но со знакомыми чертами лица и новыми морщинками. Двери вагона, открываясь, обрушивали на тебя новую массу народа. И все, наступая друг на друга, двигались дальше в путь по нескончаемому пути московской кольцевой. На мгновение казалось, что лицо, приплюснутое к двери напротив, очень знакомо, и что мы непременно где-то виделись до того. Быть может, в каком-то институте или где-то ещё. Но поезд дёргалось, и мысли летели вместе с падающими на тебя пассажирами.

Наконец, двери открывались на нужной станции, и, как шампанское из горлышка бутылки, все изливались из душного вагона в духоту пыльного городского лета. Теперь автобус и пешком.

И так день за днём.

Восьмерочный хаос города. Уходя с головой в него, постепенно узнавался в очертаниях его ритм и узор. И лишь часы бессмысленно бежали куда-то по своим, никому не понятным, неведомым делам.

И снова календарь на часах показывал новую цифру "один", что означало, что прошёл ещё месяц. Странно, ведь вчера ещё было первое число. А сегодня.. Мы где-то встречались с вами? Нет, это просто метро. Просто снова час "пик".

Задумчиво взирали на озноб летних улиц памятники. Гипсовые, бронзовые. Глаза некоторых из них напоминали человеческие. И только голуби радостно ворковали на их головах, от чего те были в белых кровоподтёках. Памятники. Некоторые помнили ещё эти улицы совсем другими. От того ли в их застывших глазах было столько сосредоточенности и печали. Кто знает, да и когда. Это снова подземка. Сегодня вагон полупустой. Усталый изгой по-домашнему растянулся на сидении и источает неприемлемые запахи. Осколки пассажиров брезгливо прячут носы. Но надо спешить. Скоро полночь. Слышится пивной аромат и студенческий смех. Ну, наконец, двери открылись. Свобода станции уже пьянит. Вперёд, к эскалаторам. Пронесются люди, реклама, женщина в "стакане" у эскалатора с двумя телефонами. Странно, ведь по ним никто не звонит. Двери. И, ночной, разбавленный неоновыми лампами, гарью и свежестью, воздух, принимает тебя. Здравствуй, москвич. С новым днём тебя. И пора менять батарейку в часах.

2001

Депрессия

Как всегда незаметно вошла, проструившись сквозь закрытые шторы. Без спроса, словно к старому знакомому. Вошла вместе с лучами утреннего света. Нарочно поддразнивая по-детски ярким утренним солнцем.

И стала смотреть на меня. На помятую постель наполовину не испитой ночи, на унылую и печальную подушку. На мои вечно по-утреннему взъерошенные волосы.

Да. Я снова не спал в эту ночь. Огонёк на мониторе по-прежнему подмигивает жёлтым светом - забыл выключить.

Посмотрела серьёзно и с упрёком - вроде, интересно, сколько раз встречал я утро? Сколько же мне лет?

Да.. Понимаю твои уловки, незваная моя единомышленница. Я не хочу этим утром ни о чём думать. Я не выспался, два часа сна - не сон. И я сегодня буду просто смотреть на мир, воспринимая его краски, его брутальную прямоту. Никаких мыслей.

И я мысленно напеваю недавнюю популярную песенку. Я не вижу тебя, подруга моя закадычная. Тебя нет. Мне нет дела до этой полу-бесформенной тени в углу, что наблюдает с язвительным укором за моими попытками проснуться и начать новый день.

Тем временем квартира моя, полная воспоминаний о посещениях её дорогими мне людьми в немислимых хитросплетениях моей судьбы, дипломатично и стоически сама отстраняется от нашего неслышного диалога с непрошенной посетительницей. Последняя же, непринуждённо и молча начинает напоминать мне о бессмысленности всей бурной деятельности, к которой я себя пытался приобщить последние месяцы.. Словно я сам этого не понимаю.

Как это по-женски.. Со вкусом и издевательски. Плутовка. Я никогда не звал тебя. И в то же время в

последние дни ты моя постоянная спутница. С кем, как не с тобой, брожу я по скверам и паркам. Кто, как не ты, как всегда издеваясь, напоминает мне в скверах о скверном дне и скверне.

Я знаю. Ты боишься моей работы. Ты так и стремишься покинуть меня перед самым началом моей работы. И я чувствую, всегда чувствую это. И потому стремлюсь выкладываться. Максимально выкладываться, чтобы очистить своё содержание от твоих, вечно усталых и пессимистично - угрюмых посещений. Да, я ещё могу быть другим. Я меняюсь на работе. Не знаю, люблю ли я свою работу.. Но определённо, в этом есть и твоя заслуга, моя повторяемая спутница..

И я знаю, что ты, словно верная жена, ждёшь моего выхода из аудитории, моего уединения с собственными мыслями. Ждёшь с уверенностью.

Я знаю, что ты во многих местах моей жизни слаба. Как два противника, мы прекрасно знаем слабые места друг друга. Мы знакомы с тобой давно. Но порой мне кажется, ты знаешь меня чуть больше, чем я тебя..

И всё равно мы начинаем с тобой эту игру, этот день. Очередной день нашего противостояния.

2002

Особенности восприятия книг читателем (Книги. Книжное)

За свою сознательную жизнь я довольно много прочитал книг и довольно много из них благополучно забыл. С трепетом относился к запаху книжных страниц и обложек и к аллергической реакции на книги в библиотеках. С ужасом смотрел на стопки несчастных и обречённых книг, сиротливо стоявших где-нибудь около мусорных баков. Они, устаревшие и уже ненужные, расплачивались за своих устаревших и уже не нужных, авторов.

Я всегда воспринимал саму возможность выкинуть любую книгу или изуродовать её как кошунственное и невозможное. Но периодически проходил и не хотел спасать книги, обречённые на смерть где-нибудь в помоечном и дурном зареве среди отходов человеческого благополучия.

Книга. Уже много лет я читаю исключительно книги в электронном виде, так удобнее для меня, тем более, вся большая моя библиотека оказывается под рукой, а это почти что тихая и душевная революция. Но по-прежнему посещаю книжные магазины и знакомлюсь с новыми изданиями. А, соответственно, их авторами.

А как приятно держать в руках книги авторов, которых любишь и считаешь уже очень давно своими духовными учителями или товарищами. Дорогого стоит поглаживание обложек любимых книг. Появляется какая-то задумчивая и светлая улыбка. Да. Именно так встречаются со старыми и лучшими друзьями – молча и с полным пониманием.

Уже давно обратил внимание на то, что какие-то книги я начинаю читать сразу. А какие-то – прочитав несколько строк, с сожалением ставлю обратно на полку. Даже если название и содержание книги очень для меня интересны. Но я уже знаю, что с последними у меня не состоится общения, а будет лишь головная боль. Словно автор такой книги выложил свою чёрно-серую грусть,

желчь или месть за свои напасти и разочарования, но никак не смог поделиться с читателем своим мировосприятием, своей мудростью, которая чаще, но далеко не всегда, приходит с годами. Не смог этого сделать не от количества прожитых лет, а от нереализованных возможностей осознания жёсткой красоты мира.

Порой даже кажется, что такие книги пишутся просто для того, чтобы сам автор знал, что он есть. Но не живут такие книги долго, именно их участь чаще всего мокнуть в связках подобных им у помоек городских жителей. И будут они сиротливо стоять там и глядеть виновато, как дворовые ничейные собаки – может, кто-нибудь возьмёт их с собой, в тёплое жилище?

Есть среди книг и такие, которые внешне похожи на остальные, с красивыми обложками и приличными названиями, но никак не читаемые, словно памятник неизречённому. Как правило, у них высоко научный, а вернее, наукообразный текст, который быстро приводит в трансовое состояние.

Но есть ли вероятность, что хорошо зная своё предмет, автор не в состоянии изложить свои мысли понятным и ясным языком? Разве не таится в попытке скрыть свои мысли за нагромождением терминологии и речевых оборотов что-то не искреннее, словно попытка скрыть отсутствие мыслей или давнишнюю нелюбовь к тому, о чём он пишет?

Увы, читатель слишком хорошо чувствует это. Осознаёт он или нет этого? Бывает по-разному. Важнее, просто книга не читается

Как странно читать переводную книгу одного и того же автора, выполненную разными переводчиками. И оказывается, что в одном случае автор книги подобно бриллианту в тёплых человеческих руках, сияет всеми цветами солнечного спектра, а в другом случае – тот же автор тускл и нищ, и мало того, такая книга и вовсе не читается и хочется её с сожалением поставить обратно на

полку. И только недоумение охватывает, ибо автор её для тебя давно добрый друг и товарищ.

И выходит, что переводчик накладывает серьёзный отпечаток на то, как эта книга зазвучит на непривычном для неё языке. И если переводчик оказывается не увлечённым этой книгой, будет она лишь техническим и тусклым переводом даже талантливого автора.

Не удивительно, что часто, когда читаешь книгу соотечественника, охватывает подобное состояние – тусклое и невнятное.

А некоторые книги перечитываешь и не устаёшь этой странной беседой, этому немому диалогу с человеком часто другой эпохи. Когда-то М.А.Булгаков писал, что рукописи не горят.

Мои студенты, изучая одну странную книгу напали на одно предложение, которое их очаровало и насторожило одновременно – некая тёмная личность в этой книге писала, что чем больше её будут вспоминать и читать о ней, тем сильнее она будет.

Вот она, странная загадка книги – в ней человек живёт много лет позже своей физической смерти. И чем светлее его мысли и открытее он миру, тем больше вероятность того, что книга его будет жить дальше. На полках, в электронном виде, а, следовательно, и в сердцах людей.

Возможно, именно потому я отношусь к книге с некоторым трепетом, но не к каждой книге, а только такой, которая действительно написана с открытым сердцем. Книги как люди, мир книг огромен и есть среди них очень разные экземпляры. Но каким-то третьим чувством мы, как слепые котята к теплу матери, тянемся к светлым и искренним книгам. И не прерывается связь времён, связь поколений, бесконечная дорога человеческой мысли.

2009

Сказки

Жизнь без сказок – глупая шутка
А.Р.Лурия

Оленья охота короля Витольда

1.

В лесном краю Тюрингии, в городе Гера жил художник Йохан. Он владел небольшой мастерской и рисовал картины для местной ярмарки, а иногда и на заказ богатым горожанам. Жил Йохан вместе со своей одиннадцатилетней дочерью Хельгой, которая продавала картины и вообще во всем старалась помогать своему отцу.

Однажды на ярмарку в Геру приехал король Саксонии Витольд Строгий. Так его называли в народе из-за сильного и упрямого характера. Сопровождал короля Джакоб, главный его помощник и телохранитель. Оба они были под стать друг другу – высокие и подтянутые. Только что Джакоб имел мрачную внешность и вообще слыл человеком жестоким, так что все его боялись.

Обходя ярмарочные ряды, король Витольд обратил внимание на картины Йохана, которые поразили его своей необычностью. На большинстве картин были нарисованы олени, а король Витольд был страстным любителем охоты. Художник Йохан любил рисовать картины с оленями. Особенно ему нравился известный во всей Саксонии сюжет обращения в христианство святого Юстаса, когда тот встретил в лесу оленя с распятием между рогами.

-Олени у Вас получаются лучше людей,- заметил художнику король Витольд.

-А они, действительно, лучше людей,- сказал художник.

Король посмотрел на руки Йохана, которые были испачканы краской. Смутьившись, Йохан стал осторожно вытирать руки о свою холщовую рубаху.

-Чем же они лучше?- удивился король Витольд.

-Они никому не причиняют боли. Олени добрые,- простодушно ответил ему Йохан.

-И все же мы охотимся на них,- произнес с усмешкой Джакоб,- не хочешь ли ты сказать, что это мы плохие?

В его голосе сквозил холодок.

-Я говорил только об оленях, которых рисую,- боясь обидеть вельмож, с оправданием сказал Йохан.

-В Саксонии охота на оленей всегда считалась благородным занятием,- заметил король Витольд.- В оленьей охоте нет ничего безнравственного, что нарушало бы мораль. Может, олени и красивей людей, но нам даны также ум и сила, дабы утверждать свою власть над природой.

Король Витольд купил несколько картин с оленями и после этого пригласил Йохана вместе с его дочерью к себе в замок Кенигплац. Он предложил художнику нарисовать несколько картин для своего замка.

-Ты знаешь, мне он очень не понравился,- сказал Йохан дочери, когда они остались одни.

-Кто, король?

-Нет, этот, что был с ним. Со злым лицом.

Спустя некоторое время король Витольд прислал в Геру за художником карету и Йохан вместе с Хельгой отправились к нему в замок.

Дорога была долгой и пролегла через густой лес. К тому же было очень жарко. Когда оставалось ехать совсем немного, карета неожиданно остановилась. Как только уже порядком притомившиеся Йохан с Хельгой вышли из кареты, они увидели причину внезапной остановки. Посреди лесной дороги стояли олени. Они были совершенно спокойные и удивленно смотрели на путников. Самым красивым из них был белолобый

молодой олень. Хельга совершенно спокойно подошла к оленям и погладила белолобого красавца.

-И как они Вас не испугались?- с удивлением спросил кучер Франц.

-Не знаю, но мне показалось, что они сами подошли ко мне,- ответила Хельга,- Вообще, я ведь никогда раньше не видела оленей, разве что на картинах своего отца.

-Их, конечно, здесь много,- заметил кучер,- К тому же недалеко река. Наверное, здесь они ходят на водопой. Я в этом месте их встречал не раз. Но обычно олени очень пугливые.

-А я думаю, что они умные и знали, что я их не обижу,- попыталась объяснить случившееся Хельга.

-Просто ты такая же светленькая, как и они. Ну что, тебе олени понравились?- поинтересовался у дочери Йохан.

-Они замечательные!- ответила ему Хельга.

После того как они снова тронулись в путь, очень скоро показался замок Кенигплац, который стоял окруженный лесами на высоком холме над самой Эльбой. Замок был большим и красивым. А из-за своего расположения казалось, что он парил в воздухе над рекой. Йохана с Хельгой обитатели замка встретили с почтением. В замке им отвели две большие светлые комнаты. Одну для отдыха, а другую – под мастерскую, в которой Йохан должен был рисовать свои картины.

Тем вечером Хельга пошла прогуляться. Во дворе она наткнулась на рыжего и внешне какого-то нескладного подростка Матиса, дразнившего гончих собак. Он размахивал перед мордами гончих тряпкой, а они бросались и пытались вырвать ее из рук Матиса. Собаки были раздражены и громко лаяли. Матис же смеялся и периодически ударял тряпкой по собачьим мордам, как бы им в наказание, чем еще больше их злил.

-Зачем ты их мучаешь?- спросила его Хельга.

-Я их не мучаю, а готовлю к охоте. Гончие должны быть злыми и выносливыми, чтобы могли поймать и затравить оленя,- ответил ей Матис.

-Но разве хорошо убивать оленей? – спросила наивная Хельга, глядя на Матиса своими большими темными глазами.

-Но ведь на это и охота. На ней всегда убивают зверей. И будь уверена, что я на охоте не упущу ни одного оленя,- похвастался он.

-Олени красивые и добрые. Люди не должны их убивать,- попыталась возражать Хельга.

-Ты просто глупая девчонка. Что ты можешь понимать в охоте? – рассмеялся Матис.

-А ты просто злой мальчик. И, по-моему, это ты ничего не понимаешь,- с обидой ответила ему Хельга.

Йохан и Хельга прожили в замке несколько недель. За это время Йохан нарисовал несколько картин, к которым король Витольд, к удивлению художника, не проявил большого интереса. Рассматривая вместе с Джакобом нарисованные картины, король Витольд обратил внимание на картину с красивым белолобым оленем.

- Где Вы могли такого видеть?- и, не дожидаясь ответа Йохана добавил,- Но все равно это всего лишь олень. А ты как считаешь, Джакоб?

-Это самый обычный олень,- подтвердил Джакоб.

Йохан хотел было возразить, но увидел, как Джакоб нахмурил свои черные густые брови, и ему стало не по себе. Йохан промолчал.

-Тебе нравится эта картина?- снова спросил своего помощника король Витольд.

-Мой король, я ничего не понимаю в живописи, но зато я разбираюсь в оленине,- ответил холодно Джакоб, на что король Витольд рассмеялся.

-А я хотел подарить тебе эту картину.- Король Витольд посмотрел на Джакоба.

-Тогда я почти это за честь.- И Джакоб чуть склонил свою голову в сторону короля Витольда.

Видя равнодушие короля к своей работе, Йохан уже подумывал о возвращении домой в Геру, как король Витольд заказал Йохану еще одну картину на тему охоты на оленей.

-Вы все сможете увидеть сами,- сказал король Витольд Йохану.- Может Вам и не нравится сама охота, но, поверьте, все будет очень красиво.

-Конечно, это стоит того, чтобы увидеть. А главное – это будет прекрасная картина,- добавил Джакоб,- Вам всего лишь надо подождать несколько дней.

Йохан было хотел возразить, но не стал этого делать, чтобы не обижать вельмож, зная их строгость. И он не знал, как рассказать об этом предложении своей дочери.

2

В день охоты, с самого раннего утра королевский егерь в сопровождении ищейки выслеживал по всему лесу оленей. Отряд охотников во главе с самим королем Витольдом, выдвинувшись к лесу, организовывал эстафету. По пути ожидаемого следования оленей они расставляли гончих собак. Лучники на лошадях также ожидали своей очереди. Небольшой отряд пеших охотников продвигался по лесу медленно и тихо. А уже за ними двигались крадущиеся лошади со своими всадниками. Делали все осторожно, чтобы излишне раньше времени не напугать оленей, которых без ненужной тревоги склоняли к продвижению до цепи замаскированных лучников. Сами олени, теснимые охотниками и собаками, сначала отошли в глубину леса, а потом уже по созданному коридору направились в направлении реки. Постепенно стадо оленей загонялось охотниками к излучине Эльбы, так что дальше им бежать было некуда.

На самую реку были спущены две большие лодки, в каждой из которых сидело по несколько человек, вооруженных длинными рогатинами и копьями. Эти люди должны были не дать оленям уйти вниз или вверх по реке. А на другом берегу Эльбы, напротив излучины, засели лучники с собаками, на тот случай, если кому-то из оленей удастся переплыть реку. Все предвкушали большую охоту.

Художник Йохан расположился с мольбертом на высоком холме. В нескольких шагах от него на конях обзревали окрестности король Витольд вместе со своим помощником Джакобом и егерями.

В этом месте Эльба делала изгиб, и с холма открывался замечательный вид на большую поляну, окруженную водами реки. В дальнем углу поляны Йохан заметил Матиса, которого узнал по рыжей копне волос, который помахал художнику рукой, после чего с несколькими гончими укрылся в зарослях кустарника.

-Ну что, Джакоб, сегодня будет славная охота!- сказал своему помощнику король Витольд. В его глазах промелькнула искорка.- Надеюсь, сегодня мы не упустим ни одного оленя.

-Разумеется, мой король,- ответил ему Джакоб и было заметно как он тоже предвкушал яркое событие.

Егеря одобрительно кивали головами, сдерживая свое нетерпение приступить к охоте.

Вначале все было тихо, и только издали раздавался приглушенный лай гончих. Потом показалось, что лай приближается, и король вместе с Джакобом и егерями на конях удалились в лес. На какое-то время все затихло. Йохан начал было уже скучать, как на поляну внезапно выбежало несколько оленей. Им было непривычно оказаться на открытом пространстве, и они испуганно озирались по сторонам. Через несколько мгновений вышли еще несколько оленей. Теперь Йохан мог их хорошо рассмотреть. Какие же они были прекрасные и как же они были напуганы. Йохану показалось, что он видит их глаза, полные страха. Из

глубины леса отчетливо слышался шум приближающихся к поляне людей и собак. Олени не знали куда идти. Из леса все ближе к ним раздавался лай гончих, а впереди была широкая река. Олени бегали по поляне, не зная где искать спасение. И вот из леса выбежали гончие, а за ними вслед показались люди. Олени оказались в смертельной западне.

Йохан хорошо видел, как олени в отчаянии метались из стороны в сторону и как набрасывались на них собаки. Среди оленей был хорошо заметен белолобый красавец, которого они с дочерью встретили на пути в замок. Несколько оленей ринулись в воду и стали переплывать Эльбу. Река в этом месте быстрая и глубокая, так что оленям было тяжело плыть. Тут же с другого берега реки раздался лай, а из кустов вышли лучники, которые стали целиться в плывущих оленей. Когда один олень все же выбрался на берег, в него тут же вонзилось несколько стрел, и он упал замертво. Тогда остальные олени стали плыть по течению, и были встречены людьми на лодке, которые стали бить животных шестами и копьями.

В то же время несколько оленей, остававшихся на поляне, попытались прорваться назад в лес. Среди них был и наш красавец. Со всех сторон на них летели стрелы. Из последних сил олени побежали в сторону густых кустов, туда, где их поджидал Матис со своими злыми собаками. Едва белолобый исчез в зарослях, как Йохан услышал звонкий лай собак, преследующих оленей. И в тот же миг в их сторону через поляну промчался Джакоб. Йохан не мог ошибиться в этом.

-Теперь им точно конец,- подумал он и от огорчения бросил кисти на землю. Он больше не хотел смотреть на охоту.

Все случилось так быстро, что Йохан не успел ничего нарисовать.

Последнее, что он увидел, это как собаки крутились вокруг лежавших на поляне оленьих тел,

ожидая, когда их начнут разделять и они получат свою награду.

Все было кончено.

Вокруг мертвых оленей суетились радостные охотники. Им было весело, потому что охота была успешной.

Йохан собрал кисти и уже намеревался возвращаться в замок, когда король Витольд окликнул его.

-Вы не присоединитесь к нашему пиршеству?

-Просто я волнуюсь за свою дочь,- попытался оправдаться художник,- она ведь осталась в замке одна.

-Разве Вам следует за нее волноваться? Она тоже могла бы быть здесь. Впрочем, Ваше дело. Я надеюсь, картина оленьей охоты, которую Вы напишете, будет хорошей.

Йохан шел по направлению к замку и встречал женщин и детей, которые в хорошем настроении шли на охотничий праздник.

3.

Хельга обо всем узнала и была удручена случившемся. Ей было очень жаль оленей.

На следующий день во время утренней прогулки Йохан повстречался с Джакобом. Тот как всегда был подтянут и строг.

-Вы его убили?- спросил Йохан.

-Кого?- удивился Джакоб. Он не ожидал пободного вопроса от художника.

-Белолобого оленя. Очень красивого,- пояснил Йохан.

Джакоб ничего не ответил. Йохан отчетливо уловил усмешку на его лице.

Хельге не хотелось больше оставаться в замке, и она стала просить отца поскорее вернуться домой в Геру.

А Йохан стал рисовать картину оленьей охоты короля Витольда. Он хорошо понимал свою дочь и торопился поскорее выполнить заказ, чтобы потом забыть случившееся. Королевская прислуга не отходила от него и была готова согласно распоряжению короля выполнять любые прихоти художника. Сам король несколько раз интересовался работой художника.

Хельга показывала равнодушие к работе отца, но в действительности она лукавила. Ей было очень интересно посмотреть на картину.

-Ты не можешь рисовать гибель оленей,- наконец, не выдержала она.

-Но ведь это правда. Их всех убили,- возразил ей отец,- может, мне и неприятно это рисовать, но ведь это моя работа. За этим король Витольд меня и пригласил.

-Я не верю, что никто из них не спасся. Этого не может быть. Это не справедливо,- настаивала Хельга,- и ты должен рисовать не смерть, а спасение.

-К сожалению, в жизни много несправедливости,- ответил ей Йохан.

-Как ты можешь так говорить? Ты просто не мог всего видеть. Ты был далеко. Олени не могли все погибнуть. Слышишь – НЕ МОГЛИ!- неожиданно почти закричала на отца Хельга.

-И тем не менее, это так.

-Кому нужна такая твоя картина? - не унималась Хельга.

-Королю Витольду Строгому.

-Раньше ты рисовал другие картины. Ты их рисовал для добрых людей.

-А ты много встречала добрых людей? Может, этот мальчишка Матис или головорез Джакоб добрые? Все они готовы убивать и радуются при этом. И в Гере многие ли покупают мои добрые картины?

-Как бы мало людей их не покупало, ты все равно не должен рисовать такую картину.

Йохан молчал. Из глаз Хельги брызнули слезы. Она закрыла глаза ладонями и выбежала из комнаты.

Во дворе она наткнулась на Матиса.

-Ну что, ты доволен?- спросила она его с нескрываемой ненавистью.

-Чем?- удивился Матис.

-Как чем? Разве ты не убивал оленей? Может, пожалел их?- выпалила ему в лицо Хельга.

-Нет,- ответил обескураженно Матис.

-Что нет?!

-Я хотел, но...

И тут Хельга увидела стоявшего чуть в стороне от них Джакоба, который зло смотрел на Матиса. Мальчишка его тоже увидел.

-Ну, тебя,- махнул он рукой на Хельгу и, уже не обращая на нее внимания, пошел прочь. Приблизившись к Джакобу, Матис ему заискивающе поклонился. На лице Джакоба читалось презрение. Хельге показалось, что Матис дрожит от страха. И вообще она решила, что они с Матисом говорили о разных вещах.

Прошло несколько дней. Йохан нарисовал большое красивое полотно, на котором очень точно, как он сам видел, изобразил события оленьей охоты. На картине Йохана олени, выбравшись из леса на поляну, разбегались в разные стороны, но везде их поджидали охотники. Король Витольд, осмотрев картину, остался доволен работой художника. Он расплатился с Йоханом и не стал удерживать его от немедленного возвращения домой в Геру.

Долго собираться не пришлось. Вещей было немного. Йохан подумал, что король Витольд просто забыл предложить ему карету. Хельга же была рада идти пешком, только бы поскорее оставить замок Кенигплац. Она только что не бежала. Немного отойдя от замка, Хельга обернулась. У входа в замок стоял Джакоб и провожал их взглядом. Но что-то необычное показалось ей в его взгляде. К своему удивлению, она не увидела в нем прежней злости. Скорее даже наоборот.

И вот замок исчез из виду. Шли по уже знакомой лесной дороге. Хельга повеселела, и они решили сделать

остановку. Это было то самое место, где они встретили оленей, когда ехали в замок.

Сразу Йохан и не заметил этого. Он только слышал смех дочери.

-Ну вот, а ты не верил!- воскликнула она, обращаясь к отцу.

Каково было удивление Йохана, когда он увидел несколько оленей, стоящих рядом с Хельгой. И среди них был красавец-белолобый.

-Но как же это может быть?- Йохан не верил своим глазам.

-А, по-моему, ничего удивительного,- спокойно ответила Хельга.

-Но я же сам все видел. Он никак не мог спастись. Я это, действительно, видел.

-Значит, ты видел не все.- Хельга светилась от радости.

-Ты говоришь так, как будто бы ты все знаешь,- Йохан никак не мог прийти в себя.

-Просто я знаю, что всегда надо верить в лучшее. И всегда найдется тот, кто встанет на сторону добра.

Йохан задумался.

-Наверное, ты права,- сказал, наконец, он.

Их возвращение домой было счастливым.

1.

Жил когда-то в Портсмуте один мальчишка. Был он непоседой и драчуном. Может, за это и нравился Джейн, жившей по-соседству дочери трактирщика, которая была робкой и прилежной девочкой. Иногда он заходил за ней и они вдвоем гуляли по берегу моря. Темными зимними вечерами они вместе рассматривали звезды и мечтали о дальних странствиях. В 13 лет он убежал из дома. Говорили, что он юнгой уплыл на одном из кораблей в Южную Америку. Она ждала его возвращения, но спустя лет десять прошел слух, что он стал жестоким пиратом.

После смерти отца она унаследовала трактир и вышла замуж за портсмутского рыбака. Ее супруг был тихим спокойным человеком. Семейная жизнь не принесла ей счастья. Бог не дал детей, а муж утонул в море. Так она дожила до старости одинокая в своем трактире. Она была все такой же – худенькой и наивной, только постаревшей. Посетителей с каждым годом становилось все меньше и трактир уже почти не приносил никаких доходов. Поскольку она была женщиной аккуратной и покладистой к ней не раз сватались, только она всем отказывала, поскольку никто ей не нравился. Она все чаще думала про своего друга детства, но уже не могла вспомнить ни его лица, ни имени.

Однажды в трактир пришел старый одноногий моряк в дорогом, но изрядно потертom камзоле и стал здесь жить. Его отличали коренастая почти квадратная фигура, густые седые волосы, собранные в пучок, глубокий взгляд и большой немного искривленный нос. Все его имущество составляли маленький сундучок и попугай. Он постоянно курил адское зелье, без меры жаловал ром и зло ругался со всеми посетителями трактира. И каждую ночь старый моряк уходил на морской берег, где слушал прибой и смотрел на звезды.

Вся округа его ненавидела, считая беглым каторжником. Он ни с кем не водил компаний, в трактире

никого не угощал и ни от кого не принимал подношений. Он сидел в стороне от всех за отдельным большим столом и был вспыльчив на любой возглас в свой адрес. На него давно бы донесли властям, если бы не заступничество со стороны Джейн. Она жалела своего постояльца и даже не спрашивала с него денег за приют. Моряк время от

времени оставлял ей на трактирной стойке по несколько пенсов, но она брала совсем немного и только в очень редких случаях. Обычно же эти деньги она относила назад в комнату своего постояльца. Джейн немного побаивалась старого моряка и не решалась поговорить с ним. Только, зная его привычку, она ночью вслед за ним выходила к морю и, встав рядом, также смотрела на звезды.

Звали его - Джон Сильвер.

2.

Он никогда не расставался со своим попугаем, который терпеливо относился ко всем вредным привычкам своего хозяина и только что сам не курил табак и не пил ром. Сильвер звал его капитаном Флинтom,

по-видимому, в память о легендарном предводителе пиратов. Это был черный какаду, такой же старый, как и сам хозяин. Но в отличие от Сильвера попугай отличался довольно уравновешенным нравом. Обычно он тихо сидел на плече у хозяина, перебирая свои перья или его

седые волосы и было странно, что птица никуда не пытается улететь.

По словам Сильвера попугай был единственным, кто не бросил его в Батавии, когда пьяный лекарь в портовой ночлежке ампутировал ему ногу. Они крепко

сдружились и окружающие воспринимали их как одно целое. И действительно, Сильвера было невозможно представить без попугая на плече. Вместе они проплавали по всему свету и не раз побывали в разных переделках. На Новой Гвинее Сильвера захватили дикари и чуть было не съели. Но не было случая чтобы капитан Флинт струсил, и предал своего хозяина. Он сам скорее был готов пойти на съедение к дикарям, чем отдать в обиду старика Сильвера. Часто во время ссор Сильвера с посетителями трактира, капитан Флинт также едва не бросался в драку: он начинал хлопать крыльями и громко кричать на недругов своего хозяина и даже мог кого-нибудь больно укусить за руку, чем немало веселил публику.

Джон Сильвер, отличался буйным нравом, но по отношению к своему питомцу проявлял трогательную нежность. Было забавно наблюдать как иногда он осторожно поглаживал перышки своего питомца и в этот момент смягчался по отношению ко всему окружающему. Вдруг начинал тихо напивать себе под нос какую-то матросскую песню – длинную и заунывную.

Попугай знал множество слов и говорил их со смыслом, так что они часто переговаривались. И если по отношению ко всем Сильвер проявлял в разговорах надменность и раздражение, то с капитаном Флинтон он говорил на равных и никогда не повышал голоса. Со стороны казалось, что это беседуют два старых приятеля.

Сильвер никогда не приступал к еде, до того, пока не покормит своего пернатого друга. Для капитана Флинта Джейн даже стала приносить отдельную чистую маленькую тарелочку. Сначала Сильвер из своей большой миски складывал туда маленькие кусочки еды для своего друга, а потом уже начинал его кормить с руки. Зная этот порядок, Джейн специально клала в миску Сильверу побольше кусочков фруктов и овощей. Капитан Флинт благодарно, непрерывно кланяясь, принимал пищу из огромных грубых рук своего хозяина. Это был целый спектакль! Но если кто-то из посетителей трактира пытался с ним заговорить или угостить чем-нибудь, к удовольствию хозяина капитан Флинт высказывал наглецам свое презрение злобным шипением и поднятым хохолком.

А уже когда капитан Флинт наедался, тогда и сам Джон Сильвер приступал к своей трапезе. Впрочем, он-то мог питаться только одним ромом.

3.

Поздней осенью в трактире появилась Мари. Откуда она взялась никто не знал. Говорили что она сирота. Прежде она жила с матерью в одном из притонов Портсмута, где однажды в отсутствии матери, над ней надругались пьяные матросы. Полгода назад ее мать умерла от падучей и хозяйка притона тут же вышвырнула Мари на улицу. Никому не нужная она скиталась по городу. На пороге трактира Джейн Мари появилась голодная и оборванная. При виде ее разбитых и грязных босых ног у Джейн сжалось сердце.

Дженни пожалела бедняжку и не без брезгливости покормила ее, и была сильно удивлена, когда в благодарность Мари вызвалась убрать трактир. Посетителей было немного и Дженни не помышляла о помощнице, к тому же такой оборванки, но Мари показала прилежание и удивительное усердие. Дженни дала ей кое-что из своих вещей и оставила переночевать в трактире, но и на следующий день ее сердце не позволило выставить девочку за дверь. Тем более приодетой она выглядела очень симпатичной. А ее личико выказывало доброту и кротость.

Так Мари насовсем осталась в трактире. Она исправно во всем помогала Джейн, а особым предметом ее заботы стал цветочный полисад у трактира, содержать который было сложно, так как его постоянно затапывали прохожие. Мари очень любила цветы и ее заботой полисад получился лучшим во всем Портсмуте.

Спустя несколько дней случилось происшествие. Питер Болл, один из постоянных посетителей трактира, во время ужина обвинил Мари в воровстве денег. Болл, здоровенный детина, был пьяницей и самым никчемным человеком во всем городе. Он никогда нигде не работал, а промышлял кражами в порту. И все, что ему удавалось украсть, он тут же пропивал. К этому времени Болл задолжал Джейн больше десяти шиллингов. Должен он был, впрочем, всем портсмутским трактирщикам и лавочникам. Джейн обслуживала его в долг, поскольку клиенты у нее были наперсчет и она боялась потерять последних.

От обиды и несправедливости Мари разрыдалась. Она очень боялась, что из-за этого Джейн откажется от ее услуг и выставит на улицу. Но у Джейн даже помыслов таких не было. Она не сомневалась в честности Мари, к тому же ей очень понравилась эта девочка, которая стала ей родным ребенком. До нее Джейн не дано было узнать счастье материнства. А Мари в тот вечер даже не подходила к Боллу, в то время как тот обвинил ее в краже из его карманов пятнадцати шиллингов. И хотя

посетители трактира знали, что он отродясь таких денег не видел, и сам враль и мошенник, все предпочли промолчать.

В гневе, требуя якобы украденные деньги, Болл даже замахнулся на Мари, как в тот же момент кто-то схватил его за руку. Неожиданно для Джейн за девочку вступился Джон Сильвер, который вырос скалой за спиной Болла.

- Тебе чего, калека?- рассвирепел Питер Болл.

В ответ глаза Джона Сильвера налились кровью и было видно, что он не намерен отступить. Таким его еще никто здесь не видел! Одновременно со своего обычного места на плече у Сильвера капитан Флинт расправил крылья и грозно зашипел. Он тоже готов был ринуться в бой. Неизвестно чем бы все закончилось, но Джейн быстро сунула в руку Болла пять шиллингов и решительно заявила, что инцидент исчерпан и более ее трактир для него закрыт. После чего Болл вышел вон.

4.

Следующей ночью кто-то уничтожил цветочный палисад Мари. Не успела Джейн прийти в себя от одного огорчения, как случилось другое неприятное событие.

Ближе к полудню, когда Сильвер как обычно еще спал, за ним в трактир пришли двое солдат. Оказалось что мировой судья получил донос и нашлись те, кто подтвердил, что Джон Сильвер – пират и беглый каторжник. Стоило солдатам разбудить старого моряка, как он и его попугай стали бранно кричать на них. В ответ один из солдат ударил Сильвера в лицо, так что брызнула кровь, и это был первый случай в его жизни, когда он не смог дать сдачу.

Солдаты пригрозили Сильверу сломать его костыль и здоровую ногу и заставили подчиниться. Капитана Флинта солдаты жестоко отшвырнули от хозяина и оставили в закрытой комнате. Не обращая внимание на протесты Джейн, которая вцепившись

пыталась удержать солдат, они выволокли Сильвера на улицу. Пинками и оскорблениями они потащили его по направлению к портсмутской крепости. На старого моряка было больно смотреть. Он даже не успел как следует одеться и Джейн пришлось нагонять процессию чтобы надеть шляпу на его растрепанные седые волосы.

И тут произошло что-то совсем необычное. Капитан Флинт клювом разбил окно, вылетел на улицу и устремился вслед за своим хозяином. После этого, как не пытались его отогнать солдаты, он уселся на плечо Сильверу и вместе с ним отправился в крепость.

Джейн не знала что и думать. В Порсмуте все обсуждали арест ее постояльца. Горожане открыто злорадствовали насчет Сильвера и отворачивались при встрече с Джейн. В этот вечер трактир был пуст.

На следующий день она собиралась отправиться к мировому судье, чтобы узнать насчет своего постояльца. Джейн собрала Сильверу узелок с едой и вышла из трактира. В это время Мари наводила порядок в полисаде. И тут они заметили вдалике возвращающегося Сильвера по его неспешной тяжелой походке. Джейн опустилась на землю и Мари увидела, что ее хозяйка глотает слезы. Как ни в чем не бывало, с капитаном Флинтом на плече, Джон Сильвер вернулся в трактир. Подойдя, он встал перед Джейн и Мари так, словно это они нуждались в его защите

Что такого Сильвер рассказал о себе мировому судье, после чего тот его отпустил, никто в Портсмуте не знал, но не без участия тех же самых солдат, злые языки замолчали. Это еще больше всех укрепило во мнении, что Джон Сильвер – опасный человек с темным прошлым.

5.

Прошло
еще какое-то
время и
случившиеся
неприятности,
казалось, стали
забываться.
Джейн удалось
даже привлечь в
трактир новых
посетителей. Хотя
нрав Джона
Сильвера не
изменился и он
продолжал
задираться по

каждому поводу ко всем, кто переступал порог трактира, но многим горожанам было интересно на него посмотреть. К тому же, другие трактиры Портсмута тоже редко обходились без ссор и драк. Один Питер Болл чего только стоил! Поскольку он не решался возвращаться в трактир Джейн и обитал в соседних заведениях, ему удалось оттуда отвадить многих тамошних завсегдаев. В добавок ко всему, Мари так усердно помогала во всех делах Джейн, что ее трактир блистал чистотой и кухня заметно улучшилась. Да еще посетителей встречали такие красивые цветы в полисаде!

В тот вечер Джон Сильвер как водится выпил изрядную порцию рома и с большим трудом ушел спать к

себе в комнату. Посетители были заняты своими разговорами и на него никто не обратил внимания. Так же никто не заметил, где в это время находился капитан Флинт.

На следующий день Джон Сильвер проснулся, как обычно, после полудня. Джейн и Мари услышали его дикий крик. Поначалу они подумали, что что-то случилось с самим Сильвером, но как оказалось, из комнаты исчез капитан Флинт. Весь день Сильвер не находил себе места: он то запирался у себя в комнате, то шел на берег моря. Джейн и Мари осмотрели все закоулки трактира и обошли всех соседей, пытаясь найти следы капитана Флинта, но все было тщетно. Мари несколько раз звала Сильвера обедать, но он так и не вышел в зал.

Развязка случилась вечером, когда ужин в трактире близился к завершению. Подвыпившие посетители были заняты своими обычными спорами и делами, как вдруг все услышали какой-то тихий стон, всхлипывание, словно кто-то пытался изо-всех сил сдержаться, но не мог. Это был плач старого человека, убитого горем. Посетители замолчали. Джейн и Мари переглянувшись, вместе тихонько подошли к комнате Сильвера. Через приоткрытую дверь они увидели сидящего на полу Сильвера, склонившего над маленьким пестрым тельцем попугая.

Пока шел ужин кто-то из посетителей трактира подбросил мертвую тушку капитана Флинта к двери комнаты Джона Сильвера. Это было сделано так осторожно, что осталось для всех незамеченным.

Все быстро разошлись. Джейн и Мари провели всю ночь в зале. Они даже не стали убирать за посетителями, настолько им самим было больно от случившегося. Сами того не замечая, они привязатель к странному попугаю и очень сочувствовали горю Сильверу. Им хотелось его как-то успокоить, но они так и не решились к нему подойти.

Утром Сильвер попросил Мари принести ему кусок материи и веревку. После этого он нанял лодку и с маленьким тряпичным свертком в руках, перевязанным веревкой с увесистым камнем, отправился в море. Джейн и Мари остались на берегу, высматривая его. День был солнечный и безветренный, так что им было хорошо видно, как Сильвер своими сильными руками правил веслами лодку в открытое море. Проплыв примерно два кабельтова, он остановился. Затем как будто что-то стал говорить и опустил сверток в море. Постояв на месте еще какое-то время Сильвер возвратился назад на берег. Джейн и Мари догадались, что так он по морскому обычаю похоронил капитана Флинта.

ЭПИЛОГ

Они и не заметили как он исчез.

Простившись с другом, Джон Сильвер, ничего не говоря, ушел к себе в комнату. Джейн и Мари не хотели его тревожить. В трактире было тихо. Когда спустя

какое-то время Мари пошла позвать Сильвера на обед, оказалось, что его комната пуста. При всей своей нескладности он удивительно тихо покинул трактир. Мари было обидно до слез, что он не захотел с ними проститься.

Но его уход не стал неожиданностью для Джейн. Она не стала терять времени. Быстро собрала вещи свои и Мари и наглухо, словно покидала навсегда, закрыла трактир. После этого она срезала в палисаде все цветы и отнесла их на портсмутское кладбище на могилу своего мужа.

Уже приближался вечер когда вместе с Мари они оставили Портсмут.

- Ты не боишься, что мы его не найдем?- спросила ее Мари.

- Не беспокойся, моя девочка, я знаю, как его отыскать,- ответила ей Джейн.

И они пошли вдоль длинного песчаного берега.

Рисунки Татьяны Никольской

Добрый волшебник из Оденсе

Случилось это в один из долгих-долгих, холодных зимних вечеров, в маленьком домике на окраине Копенгагена. Там жила небогатая семья Хега. Отец семьи, Густав, работал почтальоном, а его жена, Оливия, шила дома платья. У них было трое детей: Фредерик, Магнус и Изабелла. Фредерик был веселым сорванцом, любил подшучивать над всеми, придумывать разные истории. Магнус любил читать и мечтал о путешествии в далекие, таинственные страны, куда он поедет уже взрослым. А Изабелла росла как нежная лилия, хрупкой и стройной девочкой с задумчивым взглядом глаз, цвет которых менялся как море.

И Фредерик, и Магнус, и Изабелла любили гулять, петь песни, лакомиться сладкими булочками и мороженым. Но больше всего они любили праздники, когда после маминого пирога с вишнями папа рассказывал разные добрые и страшные сказки. Конечно, дети любили сказки про Красную шапочку, Бременских музыкантов, Али-Бабу и сорок разбойников.

И вот однажды, в канун Рождества, в домике Хега ребятня, устав от игр и шалостей, собралась в большой комнате. В печке гудел огонь, весело потрескивали дрова. Густав, поглядев на сонные лица детей, сказал: хотите услышать сказку, которая и не сказка?

Дети бросились и обступили отца, наперебой восклицая: Как так? Разве такое бывает?

Да, иногда жизнь людей похожа на сказку – помолчав, ответил Густав.

Садитесь и слушайте внимательно!

Много лет назад в небольшом городе Оденсе, в одной бедной семье, жил мальчик по имени Ганс. Папа Ганса был бедным башмачником, а мама – прачкой. Он ни

с кем не дружил, потому что другие дети считали его глупым и непонятым.

Почему они называли его непонятым? – спросила Изабелла.

Потому что Ганс любил придумывать разные истории, а дети не понимали их – ответил папа. Видя, что и у Фредерик с Магнусом хотят спросить, папа сказал: не перебивайте, а то отправлю спать!

Дети хором стали упрашивать папу продолжить сказку, и он сказал: ну, слушайте дальше!

Так Ганс рос одиноким, грустным мальчиком, над которым все смеялись. Он был некрасив, худой, с длинными руками и ногами, и длинным носом. И люди говорили: какой он гадкий, странный и глупый!

Маленький Ганс, проводя время в одиночестве, сочинял истории о птицах, животных, даже от ветра и зиме. Как-то летом он увидел на птичнике утенка, худенького и некрасивого. Его толкали и щипали другие птицы, и даже родители гусенка говорили ему: фи, какой ты гадкий. В кого ты такой уродился?

И у Ганса родилась история о гадком утенке, которого никто не любил. Но, когда он вырос, то превратился в белого прекрасного лебедя. Самого красивого лебедя на пруду!

Я вижу, Вам хочется услышать эту сказку – прервал свой рассказ Фредерик. И мне тоже хочется ее услышать – прозвучал голос молчавшей до сих пор Оливии.

Имейте терпение – ответил Фредерик.

Кто знает, какой была бы судьба Ганса, не повстречайся ему гадалка. Это была знакомая его мамы, зашедшая в гости. Взяв руку Ганса, гадалка воскликнула: я вижу, что этот мальчик будет великим человеком. И однажды в его честь в Копенгагене будет салют!

Гансу на всю жизнь запомнились эти слова.

Папа, а действительно в честь Ганса был салют – перебила отца Изабелла. Густав хотел сделать грозное лицо, но не смог. Дочка была его любимицей, и он не мог

сердиться на нее. По правде, она была доброй и послушной девочкой.

Да – ответил Густав – спустя много-много лет, датский король приказал дать салют в честь Ганса Андерсена. Шли годы, Ганс рос...Когда ему исполнилось 14 лет, мама отправила его Копенгаген. Там нашлись добрые люди, помогли ему поступить в школу. Он был самым старшим среди учеников, но учился плохо...И учитель чаще других бил его палкой. Это было тяжелое время в его жизни...Впереди его ждали другие испытания, боль и разочарования...

Я бы побил учителя палкой – воскликнул Магнус.

Ты злой и гадкий – отодвинулась Изабелла от брата. А Магнус смотрел на папу, ища его поддержки.

Густав, взяв Магнуса за руки, сказал: нельзя никого бить..это зло. Злом зла не исправишь, а только умножишь его. Делай добро, и совесть твоя будет чиста. Понял ? Да – тихо сказал Магнус, опустив голову.

Дети сидели тихо, задумавшись...Папа с улыбкой смотрел на серьезные и грустные лица детей.

Наконец Магнус словно очнулся и спросил: папа, почему всегда люди, непохожие на других, страдают ?

Наверное, они не хотят подчиняться общим правилам, быть как все. Такие, как Ганс, меняют нас, нашу жизнь. Идя впереди всех, они освещают путь – ответил Фредерик.

Так вот, Ганс учился, закончил школу. У него родилась идея стать актером. Друзья узнали о его мечте, и помогли ему поступить в театр. Но актера из Ганса не получилось. Другой путь ждал его...Дорога, приведшая к славе писателя.

Он стал писать чудесные истории. - Это были сказки – вскричали хором дети.

- Нет...Ганс называл их рассказами для взрослых – сказал Густав. А почему он так считал, Вы узнаете, когда вырастете и прочитаете некоторые его сказки.

Ганс был одаренным юношей, и сочинял не только сказки, но и пьесы. Побывав в прекрасной Италии, он

написал роман о ней. Это роман о любви прекрасной девушки и прекрасного юноши, о том, как они преодолели все беды и преграды своей любовью. Ибо красота и любовь спасают наш мир, сказал Густав. Они делают нас добрее и мягче к другим. Запомните это!

Сказки Ганса напечатали тоненькой книжкой. Это была его первая книга, и поэтому самая дорогая. Единственное, о чем он мечтал тогда – о том, что его полюбит хорошая девушка. Время быстро летело, но Ганса так и не полюбили.

Наверное, потому что он был долговязым, некрасивым и смешным.

Фредерик увидел, как Изабелла плачет. Она всхлипнула: Ганс всю жизнь прожил без любви, и никто не любил его?

Это не так – улыбнулся папа. У Ганса были друзья, и среди них была прекрасная шведская певица Дженни Линд. Ганс был влюблен в нее, но она вышла замуж за другого человека. Но на всю жизнь Дженни осталась ему верным другом.

Ганс прожил долгую жизнь, и умер в доме своих друзей.

А теперь, прежде чем будем спать, скажите, дети, кто больше всех любил Ганса? – посмотрел Густав на детей.

Наверное...дети? – застенчиво спросил Фредерик.

Правильно – обнял детей и жену Густав. Ганс был счастлив, когда видел радостные лица детей, слушавших его сказки.

Папа, а как звали Ганса, когда он вырос и писал сказки? – спросили дети Густава.

А Вы не догадались? улыбнулся папа. Вчера я читал Вам сказку о Снежной королеве... Изабелла, достань книжку с полки. Она принесла книгу, и все прочитали имя: Ганс Христиан Андерсен. Имя человека, который верил, что чудеса случаются, и его жизнь – это сказка.

Снежинка

Далеко-далеко, за лесами, за морями, в холодной стране жила маленькая Снежинка. Целыми днями она играла со своими братьями и сёстрами, а вечерами любовалась северным сиянием. Все снежинки были разные, не было ни одной похожей друг на друга. Они отличались причудливостью форм и великолепием блеска. Наша Снежинка была самая маленькая и самая неяркая, но очень любопытная.

В один прекрасный день она, посмотрев на юг, сказала : « Что здесь я знаю. А что там? Надо взглянуть». « Ты что сошла с ума? – возразили снежинки. – Мы никогда не улетали отсюда. Ты там погибнешь».

Она ничего не ответила, но, когда братья и сёстры легли спать, вспорхнула и полетела на юг. Долго летела Снежинка, внизу была одна лишь белая мгла. Наконец рассвело, и перед ней открылся прекрасный вид: высокие горы с вершинами, уходящими в небо, зелёные долины с голубыми озёрами. Но любопытство гнало её дальше: вперёд и вперёд.

Вдруг она увидела что-то бескрайнее, как снега , но не белое, а жёлтое. Снежинка приземлилась. Рядом сидел Верблюжонок. «Ты кто?»- спросила она. « Я – Верблюжонок». «А почему жёлтый снег такой горячий?» - поинтересовалась Снежинка. «Это не снег, а песок. Это пустыня, - ответил Верблюжонок. - Вон, видишь, караван не может отправиться в путь, потому что здесь раньше был оазис. Озеро пересохло. Ведь верблюдам хватает воды надолго, если они напьются».

«А зачем нужен этот караван и куда он должен отправиться?»- спросила Снежинка. «Люди ждут его. Если он не придёт вовремя, они могут погибнуть без еды и воды. Караван должен привести всё это».

«Я что-нибудь придумаю, жди.»- сказала Снежинка и полетела в сторону моря. Над ним висели серые тучи, лил дождь. «Милые Тучи, полетим со мной, - попросила Снежинка. – Нужно наполнить водой пересохшее озеро, чтобы напоить верблюдов. Караван должен отправиться к людям. Помогите, милые Тучи!»

«Мы согласны, - ответили Тучи, - если ты, маленькая Снежинка, станешь каплей дождя и прольёшься на землю, чтобы помочь людям...»

Верблюжонок поднял голову и увидел Тучи, а потом полил дождь, который наполнил озеро, и караван тронулся в путь...

Братья же и сёстры, не обнаружив утром Снежинку, отправили Северный Ветер на поиски.

Долго кружил Ветер, пока не нашёл маленькую капельку, которая осталась от Снежинки. Когда они летели обратно, эта капелька снова превратилась в Снежинку, только более крупную и яркую.

«Почему ты стала такой большой и переливаешься жёлтым, синим, зелёным цветом?»- спросили братья и сёстры.

И Снежинка ответила: «Я вобрала в себя синеву моря, зелень долин, желтизну пустыни и любовь к Верблюжонку, к людям, ко всему миру!»

Царь леса

Вот и ещё один летний жаркий день сменяет вечер. Лес становится тише, звери и птицы готовятся ко сну. Но маленький медвежонок Степа не хочет спать, он пристаёт к дедушке медведю: «Дедушка, расскажи что-нибудь интересное». «Даже и не знаю, о чём тебе ещё поведать», - зевая отвечает дед. «Ну расскажи, а то я не усну,» - просит медвежонок. «Ладно, слушай» - соглашается медведь.

«Когда-то лес был не такой, как сейчас, да и медведи были злые и жестокие. Они были хищниками-звероедами. Нападали на зайцев, белок, птиц, могли съесть даже лису или волка. Все боялись и не уважали медведей.

«Дедушка, а почему мы сейчас не едим зайцев и лисиц?» - поинтересовался Степа. «Слушай дальше, не перебивай.

В одной медвежьей семье родился мальчик, такой же любопытный, прямо как ты. Однажды он отошёл от своей берлоги далеко, залюбовавшись цветами и причудливыми облаками. Вдруг услышал чей-то тихий плач, раздававшийся из-за куста орешника. Подойдя поближе, медвежонок увидел зайчонка, у которого лапа застряла между двух коряг, и он никак не мог вытащить её. Медвежонок был сильный, он помог зайчишке вытащить лапу. «Не ешь меня» - взмолился зайчонок.

«Я и не собираюсь» - ответил мишка. «А чем ты питаешься, зайка?»

«Я ем траву, ягоды,» - ответил зайчонок, - «Хочешь попробовать?»

Зайчонок показал медвежонку куст дикой малины. Медвежонку очень понравились эти красные сладкие ягоды, зверята мило попрощались, и каждый пошёл в свою сторону.

Через некоторое время, гуляя, медвежонок увидел странную картину: две птицы кружились, что-то кричали, а птенец валялся на тропинке.

Он, видимо, случайно выпал из гнезда. Заметив медвежонка, птицы испуганно взлетели на дерево, собираясь защищать оставшихся птенцов. Но странный медвежонок аккуратно взял в лапы птенца, залез на дерево и положил его в гнездо.

«Спасибо тебе, - прочирикали птицы, - мы даже не знаем, как тебя отблагодарить». «А мы знаем, - прожужжали пчёлы, которые сидели рядом и всё видели. – Мы хотим подарить тебе самое лучшее, что у нас есть, - мёд» Медвежонок сунул в дупло свою лапу, облизал её и восхищённо сказал: « Это самое лучшее, что я когда-либо пробовал».

Многим ещё в лесу помог странный медвежонок, который не ел зверей и птиц. Он убедил свою семью и других медведей, что питаться малиной или мёдом гораздо лучше.

«Только что же мы будем есть зимой, когда снег покроет всё вокруг?»- спросили медведи. Подумав, медвежонок ответил: « Мы будем спать до весны». Так с этих пор и стало.

А когда этот медвежонок подрос, то звери за доброту избрали его царём леса.

Поэтому мы, медведи, должны быть великодушными и справедливыми.

Но Степан уже ничего не слышал, он крепко спал.

«Добрых снов тебе, мой будущий царь леса,» - усмехнулся старый медведь.

Из серии «Сказки на сон грядущий про Льва Толстого и его друзей» (для детей младшего школьного и преклонного возрастов).²

Про Мазира Аджуршутова и медаль

Был у Льва Толстого давнишний знакомец – Мазир Аджуршутов. Он ему в комнате печку клал когда-то. Очень они подружились с Толстым, и много беседовали тёплыми Ясно-Полянскими вечерами.

Так и повелось, что стали Мазира Мазаем, на русский лад, называть. А чуть позже он в городе Тула контролёром в трамвае устроился. Работа так себе, но всё-таки стабильный доход.. В общем, Мазая устраивало. А главная задача его в трамвае была – зайцев ловить, то есть тех, кто без билета норовит прокатиться. Зайцев он штрафовал – три рубля пятьдесят копеек с одного зайца или тридцать пять рублей с десяти зайцев.

Лев Толстой обещал, что потом про него историю напишет и медаль выпишет на грудь для ношения в праздничные дни. Но ему было некогда, так как он в ту пору «Войну и мир» писал. И он эту идею Некрасову подкинул – а напиши, говорит, мне про Мазая и зайцев историю.

А Некрасов и рад стараться. Сел писать. Прямо в лодке, причём. Вот пишет он, пишет.. И задремал. И снится ему лодка с дедом Мазаем, а вокруг одни зайцы плавают. А Мазай их достаёт, и в лодку.

- Как же ты достал нас, Мазай! – кричат ему зайцы, а Мазай их всё равно в лодку деловито и целеустремлённо засовывает.. Причём багром.. И на

² Сказки навеяны «Всеобщей историей, обработанной «Сатириконом» А.Аверченко сотоварищи и литературными анекдотами Д.Хармса (Ювачёва) и первоначально прочитаны дочке, Елене Дмитриевне, перед сном.

деревьях зайцы. И на суше. И по небу тоже вереницы зайцев летают..

- Чудно – воскликнул Некрасов и проснулся. Ласково плескалась вода вокруг лодки, нежный закат кидал бриллиантовые блики на воду. Красота.. Но сказано – сделано. Взял в руки перо, бумагу. Отложил банку с солёными огурцами. И написал историю. Про деда, который зайцев из воды доставал.

Лев Толстой всегда говорил, что хорошо работу может сделать только тот, кто сам задумал, что надо сделать, а иначе переделывать придётся.. В общем, так появился ещё один персонаж в русской литературе. И это ещё ничего. Вон, писатель Тургенев вовсе книжку написал про то, как мужик Герасим собачку из благих устремлений утопил. И Мумой её назвал. Так что, Некрасов ещё по-доброму поступил. А ведь мог придумать историю с топором и старушкой, как Достоевский.

Но что жаль – медаль Толстой так Мазаю и не выписал. И ловил Мазай зайцев без медали и багра, руками.

Святая женщина

У Льва Толстого была большая семья и жена, Софья Андреевна. А надо сказать, граф очень любил тишину и покой, чтобы книжки писать.

Но была у Софьи Андреевны черта, которая ему очень не нравилась – любила она поговорить. А так как от природы была очень обстоятельной женщиной, стремящейся к совершенству, то болтовнёй своей доводила графа до совершенного бешенства.

Бывало, пишет Лев Толстой очередной том «Войны и мира», а тут она приходит.. И всё.. Ну никак не поработать. Он её сначала к Чехову посылал, как бы за лекарствами, в соседний город. Затем в Петербург к родственникам передать письмо. Но не помогало.

И тут Толстого осенило: и он стал давать от руки переписывать свои свеженапечатанные книги.

А однажды вообще потребовал от неё переписать от руки своё полное собрание сочинений в 90 томах.

А она запасётся чернилами и писчей бумагой, и пишет, пишет.. Святая женщина.

Как Некрасов героем стал

Божией милостью, Александр Второй (Николаевич), император и самодержец всероссийский, или в быту просто царь, очень любил книжки разные читать. И как-то прочитал книжку про мужика Герасима и собачку Муму. Расчувствовался, слезу со щеки смахнул. И кричит – одарить этого Некрасова чем-нибудь ценным, чтобы помнил.. как пишет, шельмец.. (то есть, хорошо пишет это означает).

Надо сказать, наемни к царю пришёл крестьянин Кулибин и какую-то повозку за верёвку притащил. Говорит, это самодвижущееся авто, под названием «Волга» ГАЗ 21 (сколотил он её прямо у великой русской реки из досок и брёвен, и была это по счёту у него двадцать первая телега, предыдущие были разбиты при проверке скоростного хода с горы о сосновый лес, а три первых разбойных мужика в лесу, попавших под авто по собственной глупости – Григорий, Ануфрий и Захар для мемориальной памяти были им в название аппарата поставлены, тем более, что они и не возражали, так как были уже вполне определённо мертвы).

Естественно, никто этим не заинтересовался, и царю на самодвижущейся телеге ездить было вообще недостойно

И вручили Некрасову автомобиль «Волга» ГАЗ 21, с оленем на радиаторе (это умельцы фигурку оленя в радиатор гвоздями забили). Некрасов сначала удивился и даже испугался самодвижущегося ГАЗа (до этого его самодвижущимся вообще никто не видел), но затем

крестьян стал за баранку сажать (для предупреждения аварийных ситуаций – крестьян много, пускай расшибаются), а сам на заднем сиденье сидел, голову из окна высовывал и лицо делал красное и героическое. Потом и вообще спать в машине стал. Именно там он написал стихи следующего содержания:

«О «Волга», колыбель моя. Любил ли кто тебя как я?».

Так и остался Некрасов в памяти народной, как первый российский автомобилист.

Жизнь за царя

Пути господни неисповедимы и ведают о хитросплетениях судеб человеческих лишь высшие силы. Так, костромской крестьянин, Иван Сусанин, был человеком серьёзным и деловитым, имея настоящую потребность всё делать на совесть.

Но излагать свои мысли категорически не умел, выражаясь смутно, непонятно, и часто помогая себе такой же непонятной жестикуляцией. Писатель Тургенев как-то раз забрёл в его деревню с ружьём и собакой, долго наблюдал за Иваном, а впоследствии его манеру изъяснять свои мысли в Герасиме, собачку Му-Му утопившему, выразил.

«Талантище!!» - воскликнул писатель Тургенев и в знак своего расположения подарил Ивану пачку папирос «Беломорканал».

Сначала Сусанин был старостой в своей деревне под названием Деревищи, но после того, как там случился необъяснимый пожар, произошедший ввиду непотушенной кем-то пачки папирос «Беломорканал», был вынужден уносить оттуда лапти, ибо что не случись – всё староста виноват.

- «БЫы!» - выразил свою грусть по этому поводу сам Сусанин, яростно показывая кукиш со старательно обгрызанным ногтем в сторону, куда уехал Тургенев.

В тот период Божией милостью, Николай Первый (Павлович), император и самодержец всероссийский, или в быту просто царь, указ царский написал, согласно которому всё в России должно быть как в любезной его душе Европе. Это означало очередное изменение военных мундиров, а также введение новых профессий, в частности, хотел царь, чтобы больше туристов из Евросоюза в Россию наведываться стало в поисках загадочных приключений. Среди прочих профессий оказалась экскурсоводческая деятельность. Экскурсоводы – это люди, водящие за собой туристов из Евросоюза, по дороге их развлекающие разными байками и бессмысленными приметами, вроде, «чем бы дитя не тешилось», ведь известно было издревле, что люди из Евросоюза по разуму часто детям подобны были. Профессия, надо сказать, весьма неприглядная для обывателя. И посему не хотел никто быть экскурсоводом, проявляя тем самым явную не толерантность к пожеланию царя.

Русский писатель Некрасов вдрызг проигрался в карты, и с целью сбежать от долгов за проигрыш, решил первый автопробег Ярославль – Кострома – Вологда устроить, причём, чем быстрее, теми лучше.

«Немедленно!» - закричал писатель Некрасов, усадил за руль своего авто «Волга» ГАЗ-21 крепостного крестьянина, и триумфально выехал из патриархального Ярославля. Но довольно быстро обратил внимание, что карты местности у него нет, а крепостной крестьянин может только рулить. Некрасов сначала красное лицо делал и из окна авто высовывал, как уже привык, но это не помогало. До Костромы доехали с горем пополам. Дальше дороги не было..

Тем временем, группа польских туристов в количестве сорока человек из Евросоюза решили в Россию наведаться и адреналиновых приключений поискать.

Костромской крестьянин Иван Сусанин пришёл в Кострому на работу устраиваться, но ввиду своей особой манеры изложения собственных мыслей и непонятных телодвижений, никто на работу его не брал, ибо не понятно было, что он вообще хочет сказать и хочет ли вообще. Один раз ему и вовсе оглоблей по лбу ударили, неправильно поняв его телодвижения и заподозрив, что небожеское дело затеял сей подозрительный тип.

Но подумали – и на иностранцев его поставили, «экскурсоводить» – так как они тоже изъясняются на непонятном наречии. «Авось, друг другу понятны будут».

Как известно, издревле в России многие события соизмерялись с неким «авосем» - «а-восемь» или «а-8», сокращённо «а-вось» что, возможно, указывает на нумерологическую основу русской мистической культуры и относит её к античной нумерологической составляющей Пифагора, согласно которой число «восемь» отвечает за бесконечность и циклическую смену состояний, столь родственных душе российской – «то берёзка, то рябина», «дороги и дураки», «ты начальник-я дурак» и пр...

Вдруг послышался скрип несмазанных колёс, и на полной скорости в город въехало авто с Некрасовым. Надо сказать, писатель Некрасов любил изъясняться лаконично. Когда он хотел трапезничать, то кричал крепостным – «Есть!». Когда спать хотел – кричал «Спать!». Возможно, он бы стал офицером, но ввиду любви к гедонистическому времяпрепровождению – то в лодке, то на поляне, то в машине, то на диване, этого не случилось.

Навстречу ему шёл нечѣсанный мужик в лаптях.

- «Дорогу!» - крикнул ему Некрасов. Мужик кивнул головой и рукой в ближайший лес показал. Некрасов понял, что мужик много знает и дорогу показать может.

Так стал Иван Сусанин экскурсоводом Некрасова по дороге в Вологду. Петляли они, надо сказать, по лесу нещадно. Несколько раз крутились вокруг одного и того же дерева, два раза чуть в озеро не заехали, один раз чуть не распугали крестьян, шедших с покоса. Но Некрасов спал, поэтому ругаться не мог в виду не знания ситуации. Навстречу им вышла группа скитальцев из Евросоюза. «Москва?!» - кричали они. «Где есть Москва?!».

«Болезные» – подумал, проснувшись, и потому пребывая в благостном состоянии, Некрасов. И из жалости позволил им бежать за своим авто. А ещё ему приятно было, что так много за ним последователей идёт. В душе Некрасов очень Льву Толстому завидовал, но он был не прав, так как ко Льву Николаевичу ежедневно приходило не менее семидесяти человек, а за Некрасовым уже вторую неделю устало плелись сорок, да и те из Евросоюза..

Это была долгая дорога.. Крестьянин Сусанин давно забыл, куда они ехали, но он был от природы очень старательным, поэтому тщательно пытался вспомнить всё.

Некрасов, глядя на мучения двух крестьян задумался и решил их воспевать в своих стихах, рассказах и песнях. Правда, когда, из распивавшей его любви к трудовому народу, он один раз попробовал песни про крестьян пропеть (музыкальный слух у него был весьма необычен, а голос явно не удался), сорок польских последователей в испуге и с воплями разбежались по лесу, к несчастью многие из них попали в топкое болото. Некрасов, подобно герою своего великого Деда Мазая сначала попытался их в авто засовывать, словно зайцев. Но больно грязными они оказывались, вылезая из болота, поэтому их Некрасов обратно в болото кидал, чтобы они машину не пачкали, и заодно не марали сюртук писателя и певца. Крестьяне – водитель и Сусанин очень сопереживали ситуации. Но «хозяин - барин», как говорится, а Некрасов и был барин.

Наконец, Сусанин вспомнил, куда они ехали. И направился.. в Кострому, так как что такое Вологда и где оно находится, естественно не знал.

Оказавшись снова в Костроме, Некрасов первым делом в дворянское собрание побежал с целью выведать, не узнали ли здесь о его долгах. Выяснив, что там его вообще не знают, он сочинил печальную историю про то, как случилось сие мероприятие. Там фигурировал героический экскурсовод-Сусанин и сорок разбойников из-за границы, шедших погубить Москву и царя лично. Сусанин их в болото завёл и затем сам утоп.. Тут Некрасов побежал за носовым платком.

Когда царь прознал про такой героизм, то повелел:

1. Выплатить писателю Некрасову гонорар за такую прекрасную историю.
2. Поставить крестьянину (как-его-там) памятник, «да поболе, издалека чтобы был виден».
3. Сочинить произведение «Жизнь за царя».
4. Выплатить погибшему экскурсоводу-крестьянину три рубля серебром посмертно.

Так Некрасов и с долгами расплатился, и доброе дело сделал.

И этого ещё мало было, так как Некрасов конфеты решил выпускать под торговой маркой «Жизнь за царя», и еле его Лев Толстой отговорил, во избежание смертоубийств невинных поедателей конфетной продукции.

И снова начались светлые деньки на Волге..

А Сусанин в Москву подался, метрополитен строить. Там и теряются его следы. Впрочем, не совсем, ибо по-прежнему плутают люди, поминая добрым словом Сусанина, в московском метрополитене между двумя станциями Смоленскими, Арбатскими, Киевскими, Белорусскими, Павелецкими да Курскими. Но приезжают поклониться великому строителю на станцию Партизанская, где стоит он, Иван Сусанин, собственной персоной, словно ожидая повторения своего подвига.

Исторические эссе

***Жизнь и труды академика Янжула
(Из книги «Рассказы о русских экономистах»)***

Говорить о том, что Иван Иванович Янжул, академик Петербургской академии наук и почетный профессор Императорского Московского университета, знаменитый экономист и статистик, публицист и общественный деятель, признанный специалист в области налоговой и таможенной политики и первый русский исследователь монопольных объединений, с юных лет мечтал стать экономистом, не приходится. Юношу влекла к себе наука историческая, он с детства интересовался происхождением своего рода, биографиями знаменитых предков, военной и гражданской историей России.

Возможно, Янжул и стал бы историком, если бы в благородном пансионе при 1-й рязанской мужской гимназии, которую в 1864 году он окончил «первым учеником», преподавали сразу два древних языка – латинский и греческий. Но греческого в гимназии не изучали. Подавая в августе 1864 года документы в Императорский Московский университет, Янжул понял сложность ситуации – без древнегреческого на историческое отделение не попасть! Выход подсказал декан историко-филологического факультета, известный историк Сергей Михайлович Соловьев:

- А почему бы вам, молодой человек, не поступить сначала на какой-нибудь родственный гуманитарный факультет, например, на юридический, где знание древнегреческого не требуется? Подготовьтесь в течение года к экзамену по языку и при переходе на второй курс смените факультет на желаемый...

Предложенная «комбинация» пришлась Ивану Янжулу по душе. Обучение в университете он начал с похвальным усердием. Хорошо пошли и первые уроки древнегреческого. К языкам он вообще имел способность. В гимназии, к примеру, самостоятельно выучил не очень популярный в то время в России английский. Однако перевод на историко-филологический факультет так и не состоялся. Препятствием к тому стал целый ряд жизненных обстоятельств. Это и вскружившая юную голову первая несчастная любовь, и продолжительная болезнь на этой почве, и неожиданная смерть отца, последовавшая через год после смерти матери.

Предметом юношеских восторгов будущего академика была некая девица, В.В. Она дружила с сестрами Ивана, часто бывала в их доме, кокетничала с удосужившимся влюбиться в нее по уши юношей, и даже клялась ему в ответной любви, но параллельно оказывала знаки внимания сыну богатого фабриканта-миллионщика, и вскоре вышла за него замуж. Авантюрный характер возлюбленной Янжула ярко проявился через несколько лет ее семейной жизни в купеческой роскоши. Она не только со скандалом развелась с мужем, но и засадила его и бывшую свекровь в тюрьму «за лжесвидетельство».

Первая любовь стала для Янжула, по его собственному признанию, «самой несчастной страницей» его жизни. И даже через 50 лет после описанных событий он не мог вспоминать об этом «без душевного страдания». Будем недалеко от истины, если отметим, что вся блестящая научная карьера и бурная общественная деятельность Ивана Ивановича служили своеобразным укором обманувшей его девице В.В.: «Знай, коварная, кого ты обманула, кого променяла на богача, кого заставила страдать!».

Отец будущего академика Иван Гаврилович Янжул принадлежал к мелкопоместному

черниговскому дворянству. Свою родословную Янжулы вели от нежинского грека Клина Янжула по прозвищу Шпичак (в переводе с украинского – твердая колючка), упоминание о котором содержится в некоторых документах Петровской эпохи. В 1713-1718 годах Клим Янжул служил топальским сотником Стародубского полка. По завершению службы на Черниговщине им было основано село Янжуловка, ставшее для потомков сотника родовым. По всей вероятности, именно здесь И.И. Янжул и родился 2 (14) июня 1846 года, хотя достоверных сведений на этот счет не сохранилось.

В юности Иван Гаврилович выбрал для себя по традиции военную карьеру и посвятил ей четверть века своей жизни. Участвовал в русско-турецкой войне 1829-1830 годов. Во время одного из сражений получил тяжелое ранение, вышел в отставку в чине штабс-капитана с небольшим пенсионом - 700 рублей в год ассигнациями. Мать семейства богатого приданого с собой не принесла, поскольку происходила из небогатой семьи помещиков Коломенского уезда Московской губернии Колмаковых. Семья Янжулов была многодетной и постоянно нуждалась в средствах к существованию.

Какое-то время Янжулы жили в Коломне и в Рязани. Похоронив мать и дождавшись окончания Иваном гимназии, переехали из провинции в Москву, где согласный ради детей на любую работу Иван Гаврилович получил малоприятное даже для очень бедного дворянина место надзирателя «Работного дома для лиц, просящих милостыню» с месячным жалованием 20 рублей и казенной квартирой. В Работном доме весной 1865 года он заразился холерой и вскоре отошел в мир иной.

С этого времени дума о куске хлеба и возможности подзаработать становится для студента Янжула, на попечении которого остались младшие сестры Евгения и Мария, повседневной. К тому же Иван с

сестрами был вынужден освободить казенную квартиры и поселиться на Патриарших Прудах, считавшихся тогда местом проживания студенческой бедноты.

В Москве, где нищих студентов было и без него достаточно, подходящей работы Янжул не нашел, а потому без особых колебаний принял предложение помещика из уездного городка Ржева Тверской губернии занять место репетитора его детей. Подобная практика студенческих «подработок» была нередкой. Обязательного посещения занятий в университете не требовалось. Главное – вовремя явиться на экзаменационную сессию и успешно сдать все, что полагалось.

О том, что пришлось остаться на юридическом факультете, Янжул нисколько не жалел. Тем более, что именно здесь в широком объеме преподавались неожиданно полюбившиеся ему экономические и финансовые дисциплины, и практически все дипломированные в России экономисты тех лет получали высшее образование, ученые степени и звания на факультете юридическом.

Несмотря на регулярные отлучки из Москвы, студент Иван Янжул самостоятельно штудировал политическую экономию Джона Стюарта Милля, успешно сдавал экзамены, содержал сестер, готовя их к замужеству. Интерес к экономическим и финансовым наукам способствовал развитию интереса к самостоятельным научным исследованиям. Россия царя-реформатора Александра II быстро менялась, переживала бурный экономический и духовный подъем: перестраивалась банковская система империи, год от года ширилось железнодорожное строительство, закладывались основы новой судебной системы и земского самоуправления. Все это нуждалось в научном осмыслении, пробуждало желание докопаться до истины.

Решающим толчком к поклонению науке послужил Его величество случай. Произошел он на толкучем рынке во Ржеве, куда Янжул частенько захаживал в поисках дешевой одежды и обуви. На сей раз студент-репетитор остановился у развала букиниста, где его внимание сразу же привлекла к себе книга знаменитого бельгийского математика и социолога Адольфа Кеттле «Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей» (1835). «Книга Кеттле оказала на меня более глубокое влияние, чем какая-либо иная, прочитанная мною до тех пор, – писал впоследствии Янжул в книге воспоминаний о пережитом и виденном. – Она поразила мое воображение, изменивши все представления о возможности для человека свободно распоряжаться своими действиями, несмотря на соответствующую в этом случае оговорку самого Кеттле. Я, можно так выразиться фигурально, помешался тогда на целесообразности и закономерности социальных явлений...».

Провинциальный Ржев стал для Янжула и местом первых научных исследований, в результате которых на свет появился труд «Статистика браков и рождений», написанный на основе анализа местных метрических книг. Труд «пошел в дело» и был представлен университетским профессорам в качестве учебной работы. Не удосужившись прочитать увесистую рукопись, а лишь перелистав ее, профессора единодушно поставили Янжулу пятерку. Столь формальный подход наставников к работе начинающего исследователя несколько обескуражил Янжула, но не отбил охоту к скрупулезному научному анализу окружающей действительности, новых форм хозяйственной и социальной жизни.

В 1869 году Янжул окончил университет со степенью кандидата, т.е. претендента на возможную должность преподавателя и исследователя. Этот путь

виделся Янжулу наиболее перспективным, и он с благословения своего наставника профессора Ф.Б. Мильгаузена с головой окунулся в работу над магистерской диссертацией.

В 1872-1873 годах молодому ученому была предоставлена возможность совершенствоваться в науках в Лейпцигском, Гейдельбергском и Цюрихском университетах. Янжул посетил и Лондон, где в библиотеке Британского музея «шлифовал» свою магистерскую диссертацию на тему «Опыт исследования английских косвенных налогов: Акциз», которую блестяще защитил в Московском университете в 1874 году.

Научная новизна исследования заключалась в том, что автор сумел самостоятельно, независимо от какого-либо влияния со стороны учения К. Маркса, установить зависимость эволюции британской финансовой системы от столкновения классовых интересов. Господство акцизов в Англии XVII – XVIII веков Янжул объяснял тем, что это было выгодно для обладавшего политической властью землевладельческого класса. Однако с ростом промышленной аристократии таможенные налоги отменяются, с развитием же политического значения рабочего класса налоговая система реформируется в сторону подоходного обложения и дальнейшей отмены косвенных налогов.

Незадолго перед защитой магистерской диссертации Янжул женился. Его избранницей стала Екатерина Николаевна Вельяшева, женщина внешне неприметная, но при этом прирожденный педагог и талантливый литератор. В течение многих лет она увлеченно занималась изучением методики преподавания в народной школе, вопросами трудового воспитания в российских и зарубежных учебных заведениях. Педагогической общественностью ценились ее статьи по сравнительной педагогике, этике, как предмету школьного обучения, влиянию грамотности на

производительность труда, влиянию физического труда на успешность умственных занятий и другие.

При этом Екатерина Николаевна всегда оставалась незаменимой помощницей мужа во всех его делах и начинаниях. «В жене я получил не только доброго товарища, но соавтора или ближайшего сотрудника для всего, что я с тех пор написал, начиная с больших книг и кончая журнальными и газетными статьями, - признавался И.И. Янжул в автобиографии. - Ничего не делалось и не писалось без её совета и помощи и большей частью её же рукой, и я затрудняюсь по временам определить, кому, например, в данной статье принадлежит такая-то мысль, мне или ей?».

Надо полагать, что именно Екатерина Николаевна свела И.И. Янжула и его друга профессора-экономиста А.И. Чупрова с известным педагогом В.П. Вахтеровым для совместной работы над сборником «Экономическая оценка народного образования» (СПб., 1896, 1899), сыгравшим исключительную роль в популяризации программы введения в России всеобщего начального обучения.

В туманном Альбионе Янжул сделал важное для себя открытие: оказывается, здесь издана масса интереснейших книг по вопросам финансов, практически неизвестных в континентальной Европе. Огромное впечатление на молодого ученого произвели английская экономическая и финансовая системы. Признавая их эффективными и совершенными, Янжул, тем не менее, до конца жизни оставался приверженцем учения Фридриха Листа и других представителей немецкой исторической школы в экономических науках, утверждавших принципы своеобразия национальных экономик.

В год получения магистерской степени Янжул был избран доцентом Московского университета по кафедре

финансового права. Представив в 1876 году на обсуждение коллег сочинение на тему «Английская свободная торговля: Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства», Янжул получил степень доктора и осенью того же года был избран ординарным профессором Московского университета, прослужив в этой должности 12 лет.

В эти же годы к Янжулу приходит общероссийское признание: 4 декабря 1893 года он избирается членом-корреспондентом Петербургской академии наук по разряду историко-политических наук, а 4 марта 1895 года – ординарным академиком по Историко-филологическому отделению (политическая экономия и наука о финансах).

Признанием пользовался Янжул и у студентов, которым читал такие предметы как финансовое право и полицейское право. Лекции его отличались информационной насыщенностью, образность языка и доступностью содержания. Профессор Янжул одним из первых в университете организовал по своим предметам практические занятия, которые посещались с усердием. Общаясь в течение учебного года со всеми студентами на равных, на экзаменах Иван Иванович был строг, принципиален и даже раздражителен, когда слышал поверхностные и сбивчивые ответы. К студентам из обеспеченных семей, которых в те годы называли «белоподкладочниками», он относился особенно строго и даже предвзято, что нередко порождало конфликты с учебным начальством.

80-е годы XIX века принято считать временем глухой реакции и контрреформ. Но это верно лишь отчасти. В указанные годы было многое сделано для разрешения противоречий между рабочими и предпринимателями, был принят ряд прогрессивных

законов в отношении труда женщин и подростков. В 1882 году в системе Министерства финансов была создана фабричная инспекция, в задачу которой первоначально входил надзор за соблюдением фабричного законодательства, а в дальнейшем и принятие мер по обеспечению порядка на промышленных предприятиях, предупреждение забастовок и иных выступлений рабочих. Первоначальный состав нового ведомства был немногочисленным, несмотря на огромный объем работы, которую следовало ежедневно осуществлять. В него вошли лишь признанные авторитеты, люди, обладавшие активной социальной позицией и гражданским мужеством, среди которых был и профессор Московского университета И.И. Янжул. Ему министр финансов Н.Х. Бунге доверил кураторство (инспекцию) самого сложного Московского фабричного округа, где частные предприниматели без зазрения совести десятилетиями нарушали законы империи и безжалостно эксплуатировали бесправных рабочих.

К своей инспекторской деятельности правдолюб и законник (в хорошем смысле слова) Янжул отнесся с огромной ответственностью. О том, что и как ему приходилось делать в этой должности ученый правдиво изложил в вышедшей в 1907 году в Петербурге книге «Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва», имевшей подзаголовок «Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства». Параллельно с надзорной практикой он участвует в разработке новых фабричных законов.

Служа закону, фабричный инспектор Янжул оставался и слугой науки. Должность давала ученому доступ к материалам, которые для профессора являлись малодоступными и без которых нельзя было представить истинное положение частного сектора отечественной промышленности. В 1884 году выходит в свет сочинение «Фабричный быт Московской губернии. Отчёт за 1882—1883 год фабричного инспектора над занятиями

малолетних рабочих Московского округа И. И. Янжула», за которое автор был удостоен Большой золотой медали Императорского географического общества. В 1886 году ученый принимает активное участие в обследовании промышленности Царства Польского, предпринятом в результате жалоб московских фабрикантов на польскую конкуренцию.

В 1887 году, разуверившись в возможности фабричной инспекции активно противодействовать произволу предпринимателей, Янжул покидает пост окружного инспектора, однако до конца жизни остается одним из ведущих в стране экспертов по рабочему вопросу. С этого времени ученый больше внимания уделяет исследованиям экономики и финансов. В 1890 году в Петербурге в 2-х частях выходит в свет его фундаментальный труд «Основные начала финансовой политики. Учение о государственных доходах», за которое он был удостоен престижной премии Академии наук имени генерал-адъютанта С.А.Грейга, присуждавшейся «за лучшие сочинения по политической экономии и науке о финансах». Впоследствии книга эта неоднократно переиздавалась.

Пятилетний опыт регулярного общения с предпринимателями и рабочими, а также активное проникновение в Россию учения Карла Маркса заставили Янжула внимательнее присмотреться к социальным проблемам жизни современного ему общества. В 1893 году в Петербурге ученый издает отдельной книгой свои социальные этюды «В поисках лучшего будущего», публиковавшиеся ранее в различных периодических изданиях. Ученый стремится ответить на вопрос как исторически формировались и реализовывались планы и попытки улучшения экономического, умственного и нравственного положения разных народов. Предметом анализа выступает преимущественно опыт Англии и Америки, представляющий из себя, по словам автора,

«бесспорно знаменательное явление нашего времени». Ученого интересуют и университетские поселения в Лондоне, как форма приобщения к знаниям низших слоев населения, и положение американских рабочих, и опыт борьбы с пьянством, как социальным недугом, тормозящим прогресс человечества. И, конечно же, все это не ради отвлеченных заключений и созерцания социальной практики Запада, а ради пользы России.

Параллельно с интересом к проблематике социального реформаторства, который проявился также в опубликованном в 1890 году в «Вестнике Европы» очерке «Бисмарк и государственный социализм», Янжул еще с 1880-х годов проявляет серьезный интерес к качественно новым явлениям и процессам, происходившим, говоря современным языком, в «большом бизнесе» Западной Европы и Америки.

В Америке Янжулу довелось побывать дважды. Особенно плодотворной можно считать его командировку в Новый Свет по линии Министерства финансов на Всемирную выставку 1893 года в Чикаго. Не одна только выставка привлекла внимание ученого. В этот приезд Янжул с особым пристрастием пригляделся к американской системе монополий. Происходившая в Америке концентрация производства и капитала неоднозначно оценивалась и американскими, и европейскими исследователями. Янжул захотел выработать свою точку зрения на данный вопрос. Результатом этого стала опубликованная в 1895 году в Петербурге монография «Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединённых Штатах Северной Америки», написанная на обширном фактическом материале.

Выводы ученого относительно монопольных объединений (в терминологии Янжула – синдикатов) сводились к следующему:

- 1) К появлению монополий (синдикатов) в современном цивилизованном мире привела концентрация капиталов. Эта новая форма союзов предпринимателей является продуктом потребности времени и условий нынешнего производства, построенного в большинстве отраслей промышленности на обладании крупным капиталом.
- 2) К образованию монополий привела та самая свобода конкуренции, которая когда-то считалась панацеей против всех старых зол капитала (образование различных торговых монополий и привилегий). Монополии (синдикаты) возникли именно для борьбы, ограничения и, может быть, уничтожения свободы соперничества.
- 3) Если старые монополии создавались или актом государственной власти, или благоприятными природными условиями, то современные силою событий, всем ходом экономической эволюции, поэтому их нельзя отменить актом государственной власти, нельзя совершенно уничтожить, вызвавши искусственную конкуренцию.
- 4) Стремление капитала к соединению и его космополитизм составляю давно замеченное свойство и его отличие. Процесс образования международных синдикатов уже начался, и, по общему правилу, чем дальше вперед, тем процесс этот будет ускоряться.
- 5) Монополии составляют одно из проявлений стремления капитала к концентрации, а последняя тенденция в свою очередь вызывается теми выгодами и преимуществами, которые имеются на стороне крупного капитала в его соперничестве с другими представителями в той же отрасли промышленности.

Янжул указывает на 5 возможных преимуществ крупных предприятий над мелкими, отмечая при этом несостоятельность критики отдельными авторами монополизации производства. Цель монополистических

предпринимательских объединений ученый видел, прежде всего, в предупреждении кризисов перепроизводства. Соглашения между предпринимателями он рассматривает как «замирение конкуренции». «...Синдикат, - пишет ученый, - является для промышленников своего рода обществом взаимного страхования прибылей и в тоже время обществом страхования против кризисов».

Особую ценность представляли сформулированные в исследовании рекомендации в отношении того, что должно и что может сделать государство по отношению к монополиям. «Прежде всего, - пишет ученый, - государство обязано вмешаться законодательным порядком в вопросах о синдикатах уже потому только, что они представляют собой предпринимательский союз крупных промышленных учреждений, т.е. денежные интересы, измеряемые многими миллионами рублей. <...> Держаться далее политики *laissez aller* значило бы для государства не только противоречит с другими сферами народной экономической жизни, но и значило бы рисковать существенными государственными интересами и ставить в опасность, может быть, преуспевание обширных областей народного труда и промышленности. ...Государство обязано регламентировать синдикаты не только в той же степени, как фабрики и разные торговые и акционерные общества, но даже – в большей, по степени их общественной важности».

Первоочередную задачу государства Янжул видел в том, чтобы разобраться в видах и формах монополистических объединений, различая при этом объединения промысловые, т.е. непосредственно связанные с промышленным производством, и всякого рода торговые союзы капиталистов, учреждаемые продавцами-посредниками и не создающие никаких новых ценностей. Особое внимание ученый обращает на обеспечение гласности и открытости в деятельности монополистических объединений, их ежегодной

отчетности по широкому кругу показателей, полного соблюдения прав промышленных рабочих.

Как справедливо отметил в энциклопедической статье о И.И. Янжуле его коллега академик И.Х.Озеров, Янжул «не стремился укладывать разнообразную жизнь в Прокрустово ложе односторонних теорий». Поэтому вряд ли было бы правильным причислять его к какой-либо конкретной экономической школе, кроме, разумеется, отечественной, российской. Нередко Янжула причисляют к сторонникам государственного социализма. Однако, пропуская воззрения ученого через призму времени, можно сказать, что на деле он являлся сторонником социального государства, учение о котором в окончательном варианте сформировалось в европейской науке лишь в середине XX века. Будучи человеком прогрессивных взглядов, Янжул отстаивал принципы совершенной рыночной экономики и сильного государства, способного защитить своих граждан от стихии рынка и всевластия монополий, открыть простор для всестороннего гармонического развития человека.

Не испытывая симпатий к К.Марксу и его экономическому учению, Янжул, тем не менее, с большим интересом отнесся к появлению в России начала 1890-х годов т.н. «незаконного марксизма», который ученый называл «новомарксизмом». Его представители – С.Н.Булгаков, П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский – импонировали Янжулу своим «стремлением освободиться от привычной рутины и здоровыми взглядами во многих вопросах экономики». В работе «Промысловые синдикаты» Янжул сделал комплимент в адрес одного из очерков Струве, вполне согласившись с выводами молодого ученого.

Книга о синдикатах окончательно рассорила ее автора с идеологами либерального народничества, в частности с Н.К. Михайловским, который перестал бывать в гостях у Янжулов, приезжая в Москву. В народническом журнале «Русское богатство» была

опубликована, по оценке Янжула, «довольно нелепая, но резкая критика» его книги, написанная, как полагал ученый, его товарищем и учеником профессором Н.А. Карышевым, который вел в журнале научно-литературное экономическое обозрение под заглавием «Народно-хозяйственные наброски».

Наряду с крупными работами Янжул являлся автором многочисленных публицистических статей, очерков и эссе, которые печатались в таких изданиях, как «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Слово», «Вестник промышленности», «Вестник воспитания», «Русское экономическое обозрение» и многих других. Публицистические статьи Янжула всегда отличались злободневностью, нередко он был первым кто знакомил русское общество с новейшими явлениями европейской жизни, комментировал как экономист изменения в зарубежном и отечественном законодательстве.

Человек глубоких знаний, высокой культуры и разносторонних интересов, общительный и открытый для всех, Янжул был знаком с Ф.М.Достоевским, И.С.Тургеневым, М.Е.Салтыковым-Щедриним, Я.П.Полонским и многими другими известными современниками. Дружеские и доверительные отношения связывали Янжула с Л.Н. Толстым, М.М. Ковалевским, А.И. Чупровым. Любознательный читатель может найти в воспоминаниях ученого «О пережитом и виденном в 1864-1909 гг.», опубликованных в 1910-1911 годах, много интересных подробностей этих знакомств, ярких характеристик исторических событий и персонажей.

Последние месяцы своей жизни Янжул провел в Германии, где на курорте Висбадене он проходил лечение от прогрессирующей глухоты. Здесь его застала первая мировая война. Не успев вовремя вернуться в Россию, ученый оказался заложником обстоятельств военного времени, что привело к серьезному расстройству здоровья ученого и к смерти, последовавшей 18(31) октября 1914 года.

О Хармсе, его батюшке и Льве Толстом

«Есть несколько сортов смеха. Есть средний сорт смеха, когда смеется и весь зал, но не в полную силу. Есть сильный сорт смеха, когда смеется та или иная часть залы, но уже в полную силу, а другая часть залы молчит, до нее смех в этом случае совсем не доходит. Первый сорт смеха требует эстрадная комиссия от эстрадного актера, но второй сорт смеха лучше».

Д.Хармс. «О смехе».

Судьбы внешне очень витиеваты, но, в конце своём многое становится очевидным, и кажущиеся жестокие спирали судьбы складываются архетипическим узором. Так, его дед, Павел Ювачёв, состоял на вполне престижной должности дворцового полотёра в Николаевском (Аничковом) дворце в столице, где на тот момент проживала царская семья.

Вид на Аничков дворец

Казалось бы, чего более. Выполняя привычную деятельность, возникала возможность видеть и сосуществовать с теми, кто был настолько близко к небожителям..

Но некий дух богоборчества сидел в душе сына дворцового полотёра. Судьба его отца больше чем примечательна. Так, в возрасте восемнадцати лет, в 1878 году, его отец окончил Техническое училище Морского ведомства в Кронштадте, получил чин мичмана (младшего офицера, сегодняшний аналог – младший лейтенант) и специальность штурмана и отправился служить на Черноморский флот. Но знакомство с сорокалетним подполковником Михаилом Юльевичем Ашенбрэннером, создавшим революционный кружок, изменило его судьбу.

Сложилось так, что Иван Павлович Ювачёв увлёкся идеей революции, и возглавил подобный кружок военных моряков на шхуне «Казбек», где занимался революционной пропагандой. Подобные кружки входили в сеть организации «Народная воля», и трудно не догадываться, чем грозило подобная деятельность. В 1882 году молодой прапорщик возвращается в Петербург и поступает в Военную Академию.

Отец И.П.Ювачёва жил в Аничковом дворце, где было достаточно не сложно совершить покушение, бросив бомбу на выезжавшую из двора карету Александра III. По счастью, покушение на царя не состоялось. Но 2 марта 1883 года И.П.Ювачёв был арестован по наводке предавшего его С.Дегаева. 28 сентября 1884 года по «процессу четырнадцати» он приговорён к смертной казни, но здесь судьба совершает спиральный вираж, и приговор смягчают на 15 лет каторги. 1884 - 86 годы, одиночные камеры Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей совершают с ним редкое – он духовно преображается.

Арестованная феврале 1883 года по тому же, что и И.П.Ювачёв, «Процессу четырнадцати», а в 1884 году приговорённая, как и он, к смертной казни, с

последующим помилованием (20 лет в Шлиссельбургской крепости), Вера Павловна Фигнер впоследствии вспоминала, что в 1885 году к Ювачёву пришёл товарищ министра внутренних дел (Дмитрия Андреевича Толстого) генерал Пётр Васильевич Оржевский (на тот момент заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов). Генерал застал Ивана Павловича в молитве с Библией в руках, и на вопрос, не желает ли он поступить в монастырь, заключённый ответил: «Я не достоин».

Генерал-лейтенант Пётр Васильевич Оржевский

В 1886 году И.П. Ювачёва перевели из Шлиссельбурга на Сахалин, где он пробыл на каторге до 1894 года.

Первые годы он провёл на тяжёлых работах. Далее, как бывший морской офицер, он исполнял обязанности заведующего местной метеорологической станцией, занимался картографией, напечатал несколько брошюр, посвящённых климату острова. Стал писать рассказы под псевдонимом Миролюбов. Сотрудничал с журналами и газетами, писал очерки для различных изданий, в том числе для «Исторического вестника».

В июле 1890 года на Сахалин прибыл Антон Павлович Чехов. Между ним и Ювачёвым состоялось знакомство. О Сахалине у А.П.Чехова выйдет в 1894 году книга «Остров

Сахалин», а самого И.П.Ювачёва Чехов сделает прототипом героя в произведении «Рассказ неизвестного человека» (1893)³.

Романтическая история И.П.Ювачёва с Марией Кржижиевской (повивальной бабкой чуть старше 30 лет), скончавшейся от чахотки там же, описана в книге «Восемь лет на Сахалине»⁴. И.П.Ювачёв хотел на ней жениться. Книга «Святая женщина» также была посвящена ей. Впоследствии, о этих книгах Л.Н.Толстой скажет: «Как хорошо пишет», «Как просто, прочувствованно..».

Каторжанин на Сахалине. Конец XIX – начало XX вв.

Чуть позже, в одном из писем И.П.Ювачёву, Софья Андреевна Толстая напишет о его книгах: «Они захватывают такие интересные вопросы и области в человеческих жизнях, что все начали их читать. Вчера вечером прочли вслух «Шлиссельбургскую крепость» и «Монастырские тюрьмы».

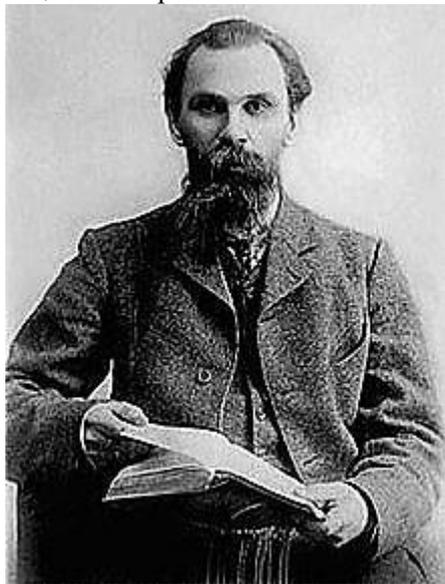
³ Чехов А.П. Рассказ неизвестного человека. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Том восьмой (1892 -- 1894). -- М.: Наука, 1985.

⁴ Ювачёв- Миролубов И.П. «Восемь лет на Сахалине». Санкт-Петербург, 1901.

И.П.Ювачёв становится капитаном первого парохода на Сахалине. Своим примерным поведением в 1895 году, И.П.Ювачёв заслуживает снисхождения, и его переводят в разряд «ссылных в Сибирь» (это значит, что он мог поселиться где угодно – вплоть до Урала).

Выбор падает на Владивосток. В 1897 году бывший военно-морской офицер совершает кругосветное путешествие. Пройдя через бюрократические мытарства, он получает право проживать в столицах, и в 1899 году он оказывается в Санкт-Петербурге, где служит в Инспекции Управления сберегательными кассами (мы говорим о том, что российская пенитенциарная система должна быть гуманной – но подумаем, может ли в наше время человек, имеющий судимость, устроиться на приемлемую работу?).

И.П.Ювачёв становится членом-корреспондентом Главной физической обсерватории Академии Наук, издаёт несколько книг с описанием Шлиссельбургской крепости, Сахалина и несколько религиозно-нравоучительных книг, изданных Обществом Трезвости.

Иван Павлович Ювачёв. Фото начала 1900-х гг.

В 1902 году он женится на Надежде Ивановне Колюбакиной (дворянке из Саратовской губернии), которая заведовала «Убежищем для женщин, вышедших из тюрем Санкт-Петербурга». По воспоминаниям, И.П.Ювачёв, находившийся в дружеских отношениях со Л.Н.Толстым, задал ему вопрос – скоро родится сын, как его назвать? Лев Николаевич подумал и ответил: - «Даниилом назови».

Сын Даниил родился 30 декабря 1905 года. Сам он впоследствии так опишет сам процесс своего появления на свет:

«Я сам родился из икры. Тут даже чуть не вышло печальное недоразумение. Зашел поздравить дядя, это было как раз после нереста, и мама лежала еще больная. Вот он и видит: люлька полная икры. А дядя любил поест. Он намазал меня на бутерброд и уже налил рюмку водки. К счастью, вовремя успели остановить его, потом меня долго собирали».

Ещё в школе Даниил придумал себе псевдоним - Хармс, который периодически менял, причём даже в подписи под рукописью - Хармс, Хормс, Чармс, Хаармс, Шардам, Хармс-Дандан и т.д.

Сам псевдоним «Хармс» происходит от французского «charm» (шарм, обаяние), и от английского «harm» (вред, напасть). В принципе, это и определяло смысл творчества Даниила Ивановича.

Хармс учился в Санкт-Петербургской немецкой школе (Петершуле), где приобрел хорошее знание немецкого и английского языков. В 1924 г. он поступает в Ленинградский электротехникум, откуда через год его исключают за «слабую посещаемость» и «неактивность в общественных работах» (а творчество его было по тем меркам явно антиобщественным). Таким образом, ни высшего, ни среднего специального образования писатель получить не смог. Но он интенсивно занимался самообразованием, особенно увлекался философией и

психологией. Жил исключительно литературным заработком.

Хармс считал, что неизменное имя приносит несчастье, и брал новую фамилию как бы в попытках уйти от него. Из этого заключаем, что уже с детства в нём проглядывали шизоидные черты, но, в то же время, заметим и ожидания трудностей в жизни (не явная ли тень отца здесь прослеживается в этих ожиданиях? И, как в качестве подтверждения, мы читаем в его дневниковых записях: "Вчера папа сказал мне, что, пока я буду Хармс, меня будут преследовать нужды. Даниил Чармс⁵).

А вот ещё одно воспоминание о его суеверности, на сей раз от А. И. Порет (именно ей он посвятил такое стихотворение – «Передо мной висит портрет Алисы Ивановны Порет. Она прекрасна точно фея, Она коварна пуще змея, Она хитра, моя Алиса, Хитрее Рейнеке-Лиса»). Вот что писала о нём его знакомая: «..был очень суеверен. У него были на все приметы, дурные цифры, счастливые предзнаменования. Он выходил из трамвая, если на билете была цифра 6, или возвращался домой, встретив горбуна. Человек с веснушками означал удачу. Молоко на даче пил, только если были закрыты все окна и двери наглухо. Даже небольшие щели на балконе затыкал ватой. У нас в доме у всех близких друзей были свои чашки. Даниил Иванович пил только из так называемой «петровской» чашки, зеленой с золотом и крупными цветами. Однажды я вынула ее из шкафа, и она на глазах у всех прыгнула с блюда на пол. Даниил Иванович немедленно ушел, мрачно сказав мне в прихожей: «Ужасная примета - это конец». Так оно и было».

В общем, типичный шизоид с элементами демонстративности и параной (вообще-то противоречие).. Но объяснить такое поведение можно – за странностью поведения можно было скрыть внутреннюю ранимость и незащищённость, и именно её-то параноидальный характер Хармса и скрывал.

⁵ 23 декабря 1936 года" (дневниковая запись).

Внешность Хармса. Это особый случай, где внешность и творчество взаимосвязаны: «высокого роста, сильно сутулился, лицо у него было очень ровного серого цвета, глаза голубые, русые волосы гладко зачесаны назад и низко опускались хвостиками на воротник. Он любил хмуриться, и между бровей была глубокая складка. Постоянной принадлежностью его лица была трубка. Маленький тик заключался в том, что он гладил себе переносицу согнутым указательным пальцем правой руки. Назло неизвестно кому он ходил в гольфах, носил крахмальный, высокий воротник, галстук типа «пластрон» и булавку в виде подковы, усыпанную синими камушками и бриллиантками. Ботинки он чистил всегда и был очень опрятен – в отличие от А.И. Введенского, его друга, который всегда был в пуху или небрит, или недомыт по техническим причинам»⁶.

Комната Хармса тоже была полигоном для творчества. Вот как описывает его «берлогу» его знакомая, Алиса Порет: «Комната его была так наполнена всякими затейливыми придумками, что описать её нет сил. Проволоки и пружины тянулись в разных направлениях, на них висели, дрожали и переплетались какие-то коробочки, чертики, символы и эмблемы, и все это менялось по мере появления новых аттракционов. Было много книг, среди них разные раритеты – Библия на древнееврейском, огромная толщенная книга «Черная магия», какие-то старые манускрипты. Окна были заклеены бумагой наглухо, запах был чудовищный, на голове у больного – дамская шляпка с пером, поверх какой-то коврик с бахромой, на руках разные перчатки»⁷. А вот ещё одно упоминание А.Порет о внешнем виде Даниила Ивановича:

«Когда Саше Введенскому было не на что выпить, он держал необыкновенные пари. Например, Хармс должен был дойти от нашего дома до Литейного проспекта,

⁶ Порет А. Воспоминания о Данииле Хармсе (отрывки).

⁷ Там же.

приодевшись в канотье без дна, так что волосы торчали поверх полей; в светлом пиджаке без рубашки, на теле был виден большой крест; военные галифе моего брата, и на голых ногах ночные туфли. В руке сачок для ловли бабочек. Пари держали на бутылку шампанского: если Хармс дойдет до перекрестка и никто не обратит на него внимания, то выиграл он, и - наоборот». Даниил Иванович дал себя одеть и шел по тротуару очень спокойно, без улыбки, с достоинством. Мы бежали по другой стороне улицы и, умирая от глупого смеха, смотрели - что прохожие? Никто не обратил на него внимания, только одна старушка сказала: «Вот дурак-то». И всё.

Два удивительно непохожих человека – отец и сын. Иван Павлович – человек XIX века, классический убеждённый революционер, переродившийся в Вере и писательстве. Его фигура исключительна тем, как многое ему довелось пережить, испытать. Именно пережитым он был интересен Л.Н.Толстому. Но, полагаю, был бы жив Ф.М.Достоевский, история Ювачёва, так созвучная биографии самого Фёдора Михайловича, не могла бы его не заинтересовать. Но это лишь вероятности, так как Ф.М.Достоевский умер в начале 1881 года.

Сын – причудливый, непохожий на то, что было ранее в литературе. Этот, присущий молодости поиск самовыражения через бессмыслицу в бездуховном времени, отрицание прежнего посредством авангарда, «Объединение революционного искусства» (ОБЭРИУ). Неадекватное творимой реальности, творчество авангардистов и склонность к эпатажу вряд ли могли найти отклик у современников.

Так, как протидеяствие «обэриутам», ленинградская молодёжная газета «Смена» от 9 апреля 1930 года, опубликовала статью "Реакционное жонглерство" с подзаголовком "Об одной вылазке литературных хулиганов". В ней писалось, что «литературные хулиганы» ничем не отличаются от классового врага

(творчество Хармса и его товарищей равно классовой враждебности).

В истории мы можем найти почти булгаковские совпадения (или лукавую усмешку Времени?). Так, введший в практику вивисекцию (проведение биологических опытов на живых животных), Рене Декарт (тот самый, который мыслил, следовательно существовал – *Cogito ergo sum*) пришёл к выводу, что животные – лишь бездушные механизмы, и опыты на них гуманны, а вот человек – другое дело.. Через двести девяносто лет после смерти великого французского мыслителя в нацистской Германии расцветёт буйным цветом вивисекция на живых людях. Предложенная в конце XIX века психологом Джеймсом Маккином Кеттелом идея евгеники (порода человека), была доведена нацистами до абсурда в концлагерях Бухенвальда (гормональные опыты над гомосексуалистами), Дахау и Аушвице (опыты с переохлаждением человека – гипотермией, разработка вакцины от малярии с последующим опробованием её на узниках), опыты с воздействием горчичного газа на человека в Заксенхаузене, опыты со стерилизацией людей (Аушвиц и Равенсбрюк), воздействие ядов и фосфора на человека (Бухенвальд), изучение воздействия перепадов давления на человека (Дахау) и пр.

Но вернёмся в старый добрый XVII век, где в 1650 году в Стокгольме умирает великий мыслитель Рене Декарт (де Карт), открывший вивисекцию всего лишь на животных. В 1649 году он, как тогда было модно, стал придворным философом у шведской королевы Кристины. Официально он умер в 1650 году от пневмонии, неофициально – был отравлен мышьяком, по-крайней мере, на то указывала симптоматика его смерти. Он не любил писать на письмах обратный адрес, и его друзья не знали, где он находится. После смерти, во Францию был отправлен корабль, на котором разместили его богатую переписку и работы. Корабль тонет, листы трудов Декарта спасают из морской воды. Они почти чудом сохраняются. Хуже дело обстоит с телом Декарта. Так,

странным образом (ухмылка Истории или «булгаковщина»?) его тело кладут в гроб, но без головы. Голова великого философа, открывшего вивисекцию, вернётся к телу лишь в начале XVIII века, а до того будет «путешествовать» по кабинетам, где череп философа хранится, как драгоценность (или передающееся красное знамя?). Само тело лишь спустя 17 лет, в 1667 году, было перевезено в Париж (без головы), и захоронены в часовне аббатства Сен-Жермен де Пре.

Вернёмся к Даниилу Хармсу. Как оказалось, лукавая История любит абсурд не менее авангардистов. Так появляется известный детский писатель Даниил Хармс (который детей не любил, вообще-то..). Хотел ли он быть детским писателем? Вряд ли. Но творчество ОБЭРИУэтов не было понятно для большинства людей, и было за что.. Нужно сказать, что при жизни Хармса были опубликованы лишь ДВА его стихотворения для взрослых (по одному в сборниках «Союза поэтов» за 1926 и 1917 годы. Больше – ни строчки. Серьёзные вещи не печатаются. А писал он каждый день, в день 3-4 страницы.. Вот и объяснение внешне смешным и гипертрофированным метаморфозам его героев, но они оказываются трагическими, это отражение человека в кривом зеркале реальности.

Заметим, что его отец, И.П.Ювачёв, хотя и не понимал творчества сына, не критиковал его, принимая как есть то, что сын писал. Следует заметить то, что между отцом и сыном была глубокая связь и полное понимание при всей, казалось бы, внешней непохожести. Иван Павлович, со свойственной ему душевностью и даже мистицизмом, погружался в проблемы сына, и не критиковал их, не отрицал, но принимал. Парадокс в том, что отец-революционер политический, породил сына-революционера литературного абсурда, который, вообще-то, в своих произведениях обострял бессмысленность и абсурдность многого в новой жизни двадцатых – тридцатых годов. И, следовательно, Хармс, сам того не

осознавая полностью (да и до этого ли ему было тогда?) оказывался в политике.

Довольно странно выглядело творчество Хармса в жизни. Его внешний вид доводил до казусов. Так, однажды его задержали, так как он подозрительно выглядел, как шпион.

Детский писатель Д.И.Ювачёв-Хармс. 20-е гг. XX в.

Литературный авангард, который представлял Хармс, был слишком близок к идеям анархизма, причём анархизма в главном. Прежде всего, это касалось изменения литературного изложения – появляется полудетское восприятие мира (в 90-е годы XX века повторённое движением «Митьков»), ниспровержение прежних устоев. Так, вываливающиеся из окна старухи, спотыкающиеся и падающие друг об друга классики русской литературы, всё ломало прежние устои, создавая странный, шизоидно-непостоянный мир, возможно, причудливость которого становилась слишком знакома для психиатров (а во время своего второго ареста в 1941 году, Даниил Хармс старался симулировать шизофрению). Народное, лубочное повествование в произведениях Хармса завораживает своей ни-на-что-не-похожестью, гиперболичностью. В его небольших рассказах много парадоксов, пространственно-

временных смещений, это антимир. Очень важный момент его творчества – ниспровержение прежних авторитетов. Прежде всего, это касается рассказов о классиках русской литературы.

В то же время, в творчестве Хармса было нечто гениальное, в котором просматривалась иная литература, иные направления. Стоит ли упоминать то, что его творчество оказало существенное влияние на представителей многих литературных направлений (движение художников «Митьки», Б. Гребенщиков, Дм. Пригов, В.Пелевин и др.).

Дм. Шагин.
«Полосатый рейс».

С. Дмитренко
«Пушкин и Митёк»

В конце 1931 года Хармса арестовали в связи с «вредительской деятельности в области детской литературы» (да и как искусство абсурда могло быть понятно людям, не похожим по мировосприятию на мировосприятие Даниила Ивановича?). Благодаря помощи отца с богатым революционным прошлым, вместо трёх лет Хармс обошёлся несколькими месяцами ссылки в Курск.

В 1940 году умирает Иван Павлович. В архивах Государственного музея городской скульптуры обнаружено следующее заявление: «Просим вашего разрешения на захоронение народовольца-шлессельбуржца, члена секции научных работников,

персонального пенсионера Ивана Павловича Ювачева, на Литераторских мостках на Волковском кладбище. Даниил Ювачев-Хармс. 20 мая 1940 года. Г. Ленинград, ул. Маяковского, д. № 11, кв. 8».

В 1941 году Даниила Ивановича снова арестовывают «за пораженческие настроения». Он симулирует шизофрению, дабы избежать расстрела. Официально он умирает в блокадном Ленинграде в психиатрической больнице в феврале 1942 года.

Проблема была в том, что у Хармса было видение человека, созвучного своему времени в плане разрушения прежних идеалов и авторитетов. Так, в его творчестве присутствовало и ниспровержение общепризнанных «классиков», восприятие которых оторвалось от реальных личностей и «заидеализировалось». Но самое главное, творчество Хармса подлинно трагично, это творчество маленького человека в тоталитарном обществе. Абсурд у него выступает определённым способом видения мира и своеобразным протестом против линейного восприятия большинства.

Рассмотрим известные, «хармсовские» литературные анекдоты «о классиках», абсурдные, но настолько полюбившихся многим русскоязычным людям. Вспомним «классический» литературный анекдот Хармса:

«Лев Толстой очень любил детей. Однажды он шел по Тверскому бульвару и увидел впереди Пушкина. "Конечно, это уже не ребенок, это уже подросток, - подумал Лев Толстой, - все равно, дай догоню и поглажу по головке". И побежал догонять Пушкина. Пушкин же, не зная толстовских намерений, бросился наутек. Пробегая мимо городского, сей страж порядка был возмущен неприличной быстротой бега в людном месте и бегом устремился вслед с целью остановить. Западная пресса потом писала, что в России литераторы подвергаются преследованиям со стороны властей»..

Удивительным образом сын человека, дружившего с великим литератором, сочиняет о нём литературные анекдоты. Это ниспровержение идеалов отца? Или отношение к человеку, который, по факту, дал имя самому Даниилу Ивановичу..

Вопрос интересный. Очевидно одно – литераторы эти стали существовать в своём, абсурдном, микромире, но вполне уверенно и самостоятельно. Как подтверждение этой мысли – многочисленные подражания Хармсу.

Детский рисунок в продолжение темы «классиков».

В 90-е годы по «31» каналу телевидения периодически шла передача «Жизнь замечательных людей», где в шуточной форме рассказывали о том, как Лев Толстой любил уезжать в Священный Синод за очередной анафемой, а пока он там был, художники-передвижники передвинули в его Ясной Поляне всю мебель, или как дрались два бородатых старца, отнимая друг у друга горшок с землёй. Старцев звали Франц и Иосиф, и так появилась Земля Франца-Иосифа и т.д.

Неизвестное митьковское творчество с несомненным этическим упрёком в сторону Альфреда де Мюссе (французский романтик первой половины XIX века)

Наконец, многие «литературные анекдоты», подающиеся часто как произведения Даниила Ивановича, на деле являются продуктом творчества начала семидесятых годов прошлого века (1971-72 гг.) художников Н.В. Доброхотовой-Майковой и В. Пятницкого.

Вот один из таких анекдотов:

«Федор Михайлович Достоевский хотел научиться показывать карточные фокусы и репетировал перед женой, пока несчастная женщина не потеряла терпение и не крикнула мужу: - Идиот! - подсказав тем самым сюжет знаменитого романа».

Наталья Владимировна Доброхотова-Майкова писала: «..Потом мы не могли остановиться. Стоило открыть рот, новая история возникала как бы сама. При этом, как нарочно, под рукой оказался блокнот подходящего размера. Кажется, его выдали на конференции кому-то из знакомых, а он мимоходом оставил у нас. Все, что сочинялось, записывали сразу набело, и так же Пятницкий рисовал картинки. Все рисунки - его. Текстов,

кажется, моих больше. Есть общие. Мои, как правило, длиннее, Володины – гениальнее»⁸.

Лев Толстой, патриарх русской литературы, олицетворение прежнего, дореволюционного мироустройства. Изменилось общество, и Хармс изменил видение самого Толстого, сделав его странным героем не менее странных историй. Тот, кто нарёк Даниила Ивановича, стал ему персонажем, добрым, странным, но персонажем, в новом мире, в котором ниспровергнуто всё старое. Что стояло в мире, к которому стремился Иван Павлович Ювачёв? Абсурд. И если сам И.П.Ювачёв нашёл гармонию в боге и духовности, то сын оказался в ситуации несуразности и бессмысленности. Он и не пытался, собственно, искать гармонии. В его мировосприятии, творчестве, внешнем виде, поведении, всё нарочито несуразно, и юмор его понятен не всем. Вспомним слова Хармса: «Есть сильный сорт смеха, когда смеется та или иная часть залы, но уже в полную силу, а другая часть залы молчит, до нее смех в этом случае совсем не доходит». Его юмор гораздо глубже наносного абсурда. Это метафорическое видение новой жизни 20-х – 30-х годов XX века.

История отца и сына Ювачёвых одинаково трагична. Да и связывала их глубокое понимание друг друга. И ушли они из нашего мира исторически совсем рядом – отец в мае 1940 года, сын в феврале 1942.

Трагическая история отца - революционера и сына - литературного анархиста и новатора. Отец хотел покуситься на императора, сын покусился на идеологическую односторонность восприятия в тоталитарном и становящемся линейным, мире.

⁸ «Весёлые ребята». Н. Доброхотова-Майкова, В. Пятницкий. Самиздат. 1971, 1972

Образ женщины – политика в России

Если реклама является способом воздействия на социум с целью совершения людьми определённых действий, то образ политика во-многом оказывается не только связанным с государственной пропагандой, но и имиджем самого государства. Рассмотрим образ женщины-политика, как олицетворения (?) государства. Образ женщины-политика в России традиционно является довольно противоречивым. Причём, чисто условно его можно разделить на несколько исторических этапов, или вех.

Первый период – период императриц в российской истории. Этот период можно абсолютно точно обозначить следующей хронологией – 1725 – 1796 гг. Сразу следует объяснить, почему мы не рассматриваем эпоху допетровского правления. Препежные, прописанные в Домострое традиции, запрещали женщине выходить за пределы семьи и дома. Роль царицы также была в большей степени номинальна, поэтому именно с XVIII века появляется принципиально новое в российской жизни – приход женщины в политику. 7 (18) мая 1724 Пётр Великий короновал Екатерину императрицей в московском Успенском соборе. Заметим, что это была вторая на Руси коронация женщины-супруги государя (после коронации Марины Мнишек Лжедмитрием I в 1606 г.). Своим законом от 5 февраля 1722 Пётр отменил прежний порядок наследования престола прямым потомком по мужской линии, заменив его личным назначением царствующего государя.

Начался блистательный и противоречивый XVIII век. Для России этот век был, безусловно, веком женской политики. Можно спорить о роли в российской истории императрицы Екатерины Алексеевны, или тем более о правлении Анны Иоановны, но Елизавета Петровна, и, очевидно, Екатерина Великая – это период безусловного расцвета нашего государства, а завоевания, которые

совершила Российская Империя в период правления Екатерины Великой, грандиозны. Удивительно, что немка по рождению, София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская стала в России подлинно русской императрицей, как по сфере интересов, так и по своей политике.

Примечательно, что императрица для России – явление принципиально новое. Роль императрицы состояла из двух ипостасей – роли «Отца государства», заменённую на «матушку-императрицу», так и женскую – мать наследника престола.

Самое главное для нас, не смотря на свойственный русским консерватизм и неприятие нового, опыт появления женщины в политике на первых ролях в государстве оказался успешным и был принят всеми слоями общества.

Второй временной период можно обозначить периодом благотворительности. Женщина снова уходит на второй план. Временные рамки этого периода – 12 (24) марта 1801 года (с гибели Павла Первого) – 2 марта 1917 года (отречение Николая Второго). Супруга Павла Первого, Мария Фёдоровна, не смогла продолжить «женский век» правления. Вернее, ей и не дали такой возможности. Считается, что исторически XIX век в России завершился с началом февральской революции 1917 года. Таким образом, в XIX веке женщине, стоящей рядом с главой государства, отводилась лишь вторая роль. Мария Фёдоровна, Елизавета Алексеевна, Александра Фёдоровна, Мария Александровна, Мария Фёдоровна, Александра Фёдоровна – эти имена мало что могут рассказать нашему современнику.

Деятельность императрицы сводилась к патронажу благотворительных обществ, общин сестёр милосердия, убежищ, приютов и прочих учреждений (общество вспомоществования бедным, Общество помощи одеждой бедным Санкт-Петербурга, Братство во имя Царицы Небесной для призрения детей-идиотов и

эпилептиков, Александрийский приют для женщин и пр.). Всё это дело, очевидно, благородное. Но с периода правления Николая Второго в обществе начинает наблюдаться негатив по отношению к императрице Александре Фёдоровне. Косвенно такое отношение объясняли с приверженностью императрицы к Григорию Распутину. Но кто из нас знает правду даже в наше, столь просвещённое и информативно обеспеченное время.

Важно иное. Благородный образ императрицы, покровительствующей сиротам, инвалидам, пожилым людям (при том, что фактически императорская семья и её отпрыски фактически жили довольно аскетично), стал меняться на негативное восприятие женщины у власти.

Александра Фёдоровна (Романова) (Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская), супруга Николая Александровича Романова (Николая II).

Тем временем, начало XX века ознаменовало себя борьбой женщин Европы (и России, как её части), за

предоставление женщинам избирательных прав. Всем известна героиня книги Памелы Треверс «Мэри Поппинс». Она – одна из прототипов суфражисток. Правда, книга П.Треверс увидела свет в 1934 году, а в России суфражистки добились своего и получили избирательное право в 1917 году. Часто движение суфражисток называют первой волной феминизма.

Наступил *третий период* участия женщины в политике. Женщина – революционерка.

Спорный вопрос – пришли в этот период женщины в политику или им это позволили сделать ради имиджа нового государства?

Здесь достойна нашего внимания Александра Михайловна Коллонтай (урождённая Домонтович). Кстати, известный поэт Игорь Северянин был её троюродным братом. В молодости Александра Домонтович выступила против решения родителей выдать её за адъютанта императора и вышла за дальнего родственника, выпускника Военно-инженерной академии Владимира Коллонтая. Будучи наиболее заметной женщиной в советском руководстве, Коллонтай была инициатором создания и заведующей (с 1920) женотделом ЦК РКП(б), целью которого была борьба за уравнивание в правах женщин и мужчин, борьба с неграмотностью среди женского населения, информирование о новых условиях труда и организации семьи. Женотдел был распущен в 1930. С 1923 по 1945 гг. находилась на дипломатической работе.

Яркая, незаурядная биография женщины «нового века». Но для нас наиболее интересен манифест А.М.Коллонтай, который она опубликовала в 1913 году в статье «Новая женщина»:

- Победа над эмоциями, выработка самодисциплины.
- Отказ от ревности, уважение свободы мужчины.

- Требует от мужчины не материального обеспечения, а бережного отношения к своей личности.

Александра Михайловна Коллонтай.

- Новая женщина — самостоятельная личность, её интересы не сводятся к дому, семье и любви.
- Подчинение разуму любовных переживаний.
- Отказ от фетиша «двойной морали» в любовных отношениях. Новая женщина не скрывает своей сексуальности.

Коллонтай относилась к семье крайне скептически, полагая, что женщины должны служить интересам класса, а не обособленной ячейке общества.

Образ революционерки, женщины «нового века» типичен для 10-20-х гг. XX века. Яркие, убеждённые образы Л.И.Аксельрод, Н.К.Крупской, Е.Н.Фигнер и др. Что ставится во главу угла теперь – идейность, высокое служение идеалу, способность к самоотречению ради чести. Сменяется здесь только тематика – если раньше, во втором этапе, мы наблюдали христианское смирение и служение идеалам гуманизма, то здесь мы наблюдаем самоотречение, отказ или минимализацию роли семьи.

Четвёртый период. С приходом к власти И.В.Сталина роль женщины снова уходит на второй план.

Н.К.Крупская пыталась противостоять установлению административно-командной системы, но была практически отстранена от работы Наркомпроса и занялась вопросами библиотечной работы. Супруга И.В.Сталина, Н.С.Аллилуева, кстати, однокурсница Хрущёва по Промакадемии, текстильному факультету, работала в Наркомате по делам национальностей и сотрудничала в редакции журнала «Революция и культура» и в газете «Правда». Роль женщины снова была отодвинута от политики. Причём весьма надолго. А появление на экранах ТВ первой женщины-космонавта В.В.Терешковой никак не меняло эту картину. Вплоть до прихода к власти М.С.Горбачёва. Вернее, появления на информационном небосклоне Раисы Максимовны Горбачёвой, личности незаурядной и достойной. Именно этот *период мы можем смело назвать пятым.*

Вместе с академиком Д. С. Лихачёвым, Г. В. Мясниковым и другими деятелями отечественной культуры она создала Советский фонд культуры, став членом президиума Фонда, который поддерживал многие музеи страны. Но главное другое – появление «первой леди» страны на телевизионных экранах.

Р.М.Горбачёва часто появлялась на телеэкранах, сопровождая супруга, а часто и выступая на встречах с жёнами зарубежных высокопоставленных лиц. Именно этот факт вызывал крайнее неприятие у женского населения СССР – её манера одеваться (безупречная, что шло вразрез с вечным «дефицитом» в стране), её манера вести себя. Так же, как в Европе и России, образ монарха нёс в первую очередь символическое значение аллегии власти, так и «первая леди СССР» вынужденно приняла на себя удар зависти и даже ненависти ввиду ощущения скорого распада страны из-за деятельности супруга. Британский журнал «Woman's Own» назвал её женщиной года (1987), Международный фонд «Вместе за мир» наградил Горбачёву премией «Женщины за мир», в 1991 году — премией «Леди года».

Раиса Максимовна Горбачёва, супруга М.С.Горбачёва. «Первая леди» СССР⁹.

Для нас же важен сам факт, что женщина в политике во второй половине XX века воспринимается обществом крайне негативно. При этом, Р.М. Горбачёва с одной стороны, подготовила и ознакомила новое явление в российской истории – «первая леди» страны. До неё о жёнах руководителей государства знали крайне мало. С другой стороны – стала эталоном безукоризненного вкуса и такта в поведении, чего опять же не наблюдалось у жён руководителей в прежнее советское время.

Но, что чрезвычайно важно, исторически сложилось так, что образ женщины – политика в России традиционно воспринимается населением довольно негативно. Наше общество крайне консервативно. Где кроются причины этого негатива? Возможно, в стереотипе, что женщина и политика несовместимы. Но история свидетельствует, что это далеко не так. Возможно, в негативном восприятии власти, где мужчинам (традиционно для русского общества) позволено несколько больше, чем женщинам.

⁹ www.netschools.ru/sch758/2005/perestroyka/gorbachva.html

Президент ущипнул стенографистку. Скандальная ситуация, парадоксально повысившая рейтинг Ельцина в 90-е гг.

Если с 90-х годов XX века по настоящее время женщины вполне успешно стали осваивать новые для себя сферы деятельности, сейчас женщина-руководитель не является чем-то экстраординарным, то женщина-политик – это очень серьёзный для неё поступок, связанный в первую очередь с негативным восприятием населения (часто – именно женского).

В приведённой таблице мы перечислили наиболее часто упоминаемых в отечественных СМИ фамилии женщин-политиков (кроме И.М.Хакамады, от политики уже отошедшей, но имеющей активную социальную позицию).

С периода 90-х гг. XX века можно выделить два образа женщины – политика:

«Первая леди» государства	Женщина - политик
<p><i>Раиса Максимовна Горбачёва</i> (1985 - 1991) Кандидат философских наук</p>	<p><i>Людмила Борисовна Нарусова</i> Кандидат исторических наук Политик, общественный деятель, Президент Фонда Анатолия Собчака, член Союза журналистов</p>
<p><i>Наина Иосифовна Ельцина</i> (1991 - 1999)</p>	<p><i>Любовь Константиновна Слиска</i> Кандидат исторических наук, доцент Политик, государственный деятель</p>
<p><i>Людмила Александровна Путина</i> (2000 - 2013)</p>	<p><i>Матвиенко Валентина Ивановна</i> Советский и российский государственный деятель, политик, дипломат.</p>
<p><i>Светлана Владимировна Медведева</i> (2008 - 2012)</p>	<p><i>Ирина Муцууовна Хакамада</i> Кандидат экономических наук Российский политический и государственный деятель, , писатель, радиоведущая, телеведущая.</p>

В первом столбце перечислены супруги руководства России в разные временные периоды 90-х гг. XX в – 10-х гг. XXI в, «первые леди». Первая леди (англ. First Lady) — жена выборного главы государства. Сам термин «First Lady» первоначально применялся по отношению к

супруге президента США, но сейчас используется для обозначения супруги главы любого государства с республиканской формой правления. Примечательно, что в парламентских республиках и конституционных монархиях этот термин применяется к жене премьер-министра государства.

Функции «первых леди» – поддержание дипломатических отношений с жёнами и семьями глав других государств. Примечательно, что не считая Р.М.Горбачёвой, довольно негативно воспринимавшейся в СССР в 80-е гг. XX века (но фактически привнёсшей традицию «первой леди» в нашу страну), остальные «первые леди» воспринимались российским обществом довольно спокойно.

А вот что касается женщин – политиков, здесь мы наблюдаем довольно интересную картину. Что бы не делала женщина в политике в России, её восприятие социумом останется негативным. Причём, чем чаще появляется на экране женщина-политик, тем больше негатива мы наблюдаем по отношению к ней среди россиян. При этом, это очень успешные и неординарные женщины. Каждая из них имеет учёную степень, серьёзные заслуги перед страной, но на российской почве женщина-политик пока воспринимается негативно. Но вспомним негативное отношение российского общества к последней императрице Александре Фёдоровне. Где лежат корни негатива, не архетипичны ли они?

И также, как Раиса Максимовна Горбачёва, ставшая эталоном вкуса и поведения, образом советской женщины последних лет СССР и привнёсшей в СССР традицию «первой леди», за что и поплатившуюся, так как нет пророков в своём отечестве, остаётся надеяться, что появится новая русская Эва Перон в нашей политике, не только как «первая леди», но и всенародно любимая женщина – политик.

*Зодчество было главной летописью
человечества.
Виктор Гюго*

Видное: отцы-основатели города

В истории каждого города есть как забытые страницы, так и преданные забвению имена выдающихся общественных и политических деятелей, представителей интеллигенции...

Однако человеческие творения часто переживают своих создателей, пронося свет знаний, культуры сквозь десятилетия и века. К таким творцам относятся архитекторы, труды которых не только приносят эстетическое наслаждение, но и учат каждое поколение хранить национальную культуру, традиции, обычаи, уважать труд талантливых людей, любящих свою Родину.

Пережили своего творца и оригинальные двух и трех этажные дома, построенные по проекту советского архитектора Бориса Васильевича Ефимовича (- 1952 ?) в подмосковном городе Видном. Более того, имя архитектора забыто жителями этого города; в местном музее Вы не встретите стенда или фотографии человека, подарившего городу по - своему уникальные домики, напоминающие сказочные игрушечные сооружения. Видновчане и видновчанки наверняка догадались, что я говорю о т.н. «немецких» домах, расположенных по ул. Школьная и ул. Заводская.

Как родился проект этих домиков (не поворачивается язык назвать из грубо – домами!), кто организовывал их строительство ? Для ответа на эти вопросы совершим небольшой исторический экскурс.

Нашим соотечественникам известны имена знаменитых архитекторов, зодчих, как их называли вплоть до 19 века – Ф. Конь (1540-1606 гг.), Д. Ухтомский (1719-1744 гг.), В.К. Баженов (1737-1799 гг.), М.Ф. Казаков (1738-1812 гг.), О. Бове (1784 – 1834 гг.), Ф.О. Шехтель (1859-1926 гг.), А.В. Щусев (1873 – 1929 гг.). Созданные ими дворцы, частные особняки дворян и купцов, архитектурные комплексы преобразили внешность российских городов, не уступавших по красоте столицам стран Западной Европы – Парижа, Праги, Вены, Будапешта, Женевы...

После революции 1917 года в архитектуре наметилась смена тенденций и подходов к проектированию зданий. Акцент стали делать на простоте и практичности, без архитектурных излишеств. Так родился советский конструктивизм. Однако работали архитекторы, не порвавшие с классическими традициями зодчества. К ним мы отнесем Абросимова Павла Васильевича (1900—1961), спроектировавший комплекс зданий МГУ им. М.В. Ломоносова, Федора (Франц) Осиповича Шехтеля (1859—1926), автор проектов Ярославского вокзала, Исторического музей, особняков дворян и купцов; Алексея Викторовича Щусева (1873 — 1949), спроектировавший здания Мавзолея, гостиницы «Москва», здание Дворца съездов (строительство не было осуществлено; вместо него построен бассейн «Москва»).

Среди этой плеяды выделялся архитектор Борис Васильевич Ефимович (- 1952 г.). К числу его архитектурных творений принадлежит немало оригинальных зданий: музыкально-драматический театр в Воронеже, санатории ВЦСПС «Красная Москва» и санаторий «Новая Ривьера» в Сочи; Дом культуры на Яузе. К сожалению, советская власть не оценила последнюю работу архитектора, сослав его в 1952 г. в лагерь за «архитектурные излишества».

Эти «архитектурные излишества», отражающие художественный вкус и мировоззрение Б.В. Ефимовича, выразились в облике ул. Школьной г. Видное. История сотрудничества архитектора и администрации Видного началась в конце 1935 года, когда было решено создать Московский коксогазовый завод.

В 1949 году, на месте поселения Малое Видное и частных дач, был создан рабочий поселок Видное. *Разработку проекта рабочего поселка и архитектурного облика поручили московскому архитектору Б.В. Ефимовичу и инженеру-конструктору А.М. Рузскому.* Обеспечение строительства осуществляло предприятие Гипсобетон.

Именно этим специалистам будущий город Видное обязан появлением т.н. «немецких домиков», выстроенных для рабочих Московского коксогазового завода. Отметим, что директор данного завода не имел отношения к этому проекту.

Кроме того, бытующая среди жителей Видного легенда о том, что немецкие домики строили пленные немцы, не имеет фактического основания. Эти дома строили рабочие коксогазового завода, семьи которых и поныне живут в них. Интерес вызывают два факта:

1) До 1960-х годов немецкие дома имели черепичные крыши, которые потом демонтировали, мотивировав тем, что они хуже защищают от осадков, чем алюминиевые крыши;

2) В начале 1960-х годов, по воспоминаниями директора завода Гипсобетон, в Видное приезжала делегация из Москвы во главе с Н.С. Хрущевым. Ему показали ул. Школьную. Увидев немецкие дома, Н.С. Хрущев бросил фразу: Неметчина!. Потом сел в машину, и кортеж уехал. К счастью для архитектора, этот эпизод не имел последствий...

Следующим этапом формирования облика города Видное стало строительство типовых домов в 1960-1070-х годах, т.н. «хрущевок» и «брежневок». Город, изначально имевший радиальную планировку, стал

меняться. Сейчас мы видим некий гибрид советской и европейской архитектуры, особенно заметный на улице Школьная: на одной стороне стоят красивые частные дома, на другой стороне – малосимпатичные, унылые пяти и девятиэтажки. Советская площадь тоже несет в себе сочетание эпох: здание городского музея в стиле классицизма и памятник В.И. Ленину (весьма нетипичный для стандартных памятников вождю российского пролетариата).

В 2000-е годы город стал разрастаться, появился новый микрорайон «Березовая роща». Старожилы города помнят лес рядом с новыми домами; вместо него остался небольшой парк.

Город Видное, по нашему мнению, нуждается в реконструкции, ведь архитектурные стили в нем плохо сочетаются и портят внешний вид. Следует доработать архитектурную концепцию города, учитывая историческое наследие. К работе по улучшению внешнего вида города можно было бы привлечь специалистов и студентов факультета дизайна МРСЭИ.

Уверен, что в Видном нужно восстановить историческую справедливость, чтобы каждый житель и гость города мог знать и гордиться талантливыми людьми, создавшими красивые здания.

Для этого нужно немного:

- увековечить память и вклад его создателей – архитектора Б.В.Ефимовича, инженера А.М.Рузского и директора завода Гипсобетона, повесив мемориальную доску на городском музее, либо установив им памятник;

- В городском музее, в котором нет информации об основателях города, можно создать постоянную экспозицию.

Так можно восстановить связь времен, протянув ниточку из современности к традициям русской и европейской культуры, которые до революции 1917 года были неразрывно связаны.

Жители города должны знать его историю, ибо без сохранения культурных традиций нет будущего, нет развития нашей страны. Сохранение исторической памяти позволит укрепить национальное самосознание и придаст новые импульсы культурно-гуманистическому прогрессу России.

Источники

1. <http://vidnoe-adm.ru> – сайт городского поселения Видное Ленинского муниципального района Московской области.
2. Видное. История города с древнейших времен. – Видное, 2014 г.
3. Неопубликованные материалы об архитекторе Б.Ф. Ефимовиче и инженеру А.М. Рузском.

Об авторах

Кандидат
экономических наук,
доцент. Профессор
кафедры бухгалтерского
учёта, анализа и аудита
МРСЭИ.

Александр Олег Аркадьевич

Культуролог, музыкант

Александрова Татьяна Владимировна

Кандидат философских
наук, доцент кафедры
государственного и
муниципального
управления МРСЭИ

Асеев Олег Владимирович

Заместитель
заведующего учебной
частью МРСЭИ
Выпускница
филологического ф-та
МПУ им. Ленина,
экономического ф-та
МРСЭИ

Буланкина Татьяна Николаевна

Доктор экономических
наук, профессор.
Заведующий кафедрой
государственного и
муниципального
управления МРСЭИ

Егоров Юрий Николаевич

Кандидат
психологических наук,
доцент. Профессор
кафедры психологии
МРСЭИ. Директор ЦПИ
МРСЭИ.

www.dm-smyslov.com

Смыслов Дмитрий Анатольевич

Заслуженный деятель
науки Республики
Алания

Профессор, доктор
экономических наук,
доктор педагогических
наук. Профессор
кафедры
общегуманитарных и
естественнонаучных
дисциплин МРСЭИ

Тебиев Борис Константинович

Другие грани. Литературный сборник сотрудников
Московского регионального социально-экономического
института. М, ЦПИ МРСЭИ, 2016. – 138с.

Подписано в печать 30.10.2016
Формат 60x84/6. Усл. печ.л. 8,6 бум офсетная
Гарнитура Times New Roman.
Тираж 100 экз. Заказ 1207

ISBN 978-5-91422-037-9

Центр психологических инноваций
Московский региональный социально-экономический институт
Отпечатано в типографии «Белый ветер»
Москва, ул. Щипок, д 28.